

Тексты для анализа.

ЗАБОТА

Если бы только можно было избавиться от забот! Если бы только иметь беззаботную жизнь! Но это, к сожалению, невозможно...

Почему же это так невозможно? Нужно только преодолеть заботу! Для этого надо лишь немного духовной свободы!

Человек никогда не бывает до конца удовлетворен. В нем всегда возникают новые стремления, всегда громоздятся новые желания и новые потребности. Достаточно ему лишь заглянуть в будущее или подумать о «завтра-послезавтра», как начинают бурно разрастаться сорняки заботы. Ибо будущее всегда туманно; и кто знает, что поджидает меня завтра-послезавтра? А в мире буржуазной самостоятельности и самообеспечения, где каждый думает о себе и только о самом себе, где никто не думает о другом, где все вокруг так адски жестоко хозяйничает, — там системой жизни становится неуверенность, а неприятный, неожиданный случай — властелином будней. Забота держит всех нас в цепких когтях. Как мусор на улице, подхваченный и несомый порывом ветра, она входит к нам в открытое окно будущего. Так было всегда, так будет всегда. Что можно здесь «преодолеть»?

Будущее остается, остаются и потребности, и неуверенность не исчезнет. Короче говоря, надо примириться с «неуверенностью», «нуждой» и «будущим». Но чтобы вынести их, надо научиться их преодолевать. С чего начать?

Начинают с будущего: повернувшись к нему спиной. Ищут утешения в прошлом, непреходящем, в вечности; и не только созерцательно, но и творчески. Прекрасное прошлое твоего отечества, твоего народа — разве оно тебе не дорого? Великое прошлое других народов и стран — разве оно тебе ничего не говорит? Великолепный ход движения созвездий, там, наверху, раннее прошлое нашей планеты, история животного и растительного мира — это богатство божественного творения, которое ждет твоего наблюдения и твоего исследования, спасет тебя от твоей заботы. Всякий прекрасный образ искусства, всякая математическая проблема — вне времени и вырывают тебя из наполненного страхами и заботами будущего, дают тебе покой и отдых. Устремись в глубины человеческого духа с книгой Лейбница, Шеллинга или Гегеля в руках; или еще лучше — обрати свой взор ввысь, к Богу — и ты обретешь вечность. И тогда ты покажешься себе таким несчастным, как ездовая собака твоего сомнительного будущего, как верблюд с грузом твоих проклятых забот.

Однако это освобождение от заботы может быть еще и завершено.

В заботе кроются, собственно, два начала. Во-первых, то, в чем ты нуждаешься, о чем ты должен заботиться, то есть содержание твоих забот; и, во-вторых, — твой страх. Да, страх пред неуверенностью в жизни. Впрочем, пусть неуверенность остается; пропасть должен

страх перед нею. Пусть и нужда остается; но нельзя, чтобы она мучила и терзала тебя. Человек тем более унижен, связан, даже парализован, тем слабее для осуществления своей цели в жизни, составляющей содержание его заботы, чем сильнее заботящий его страх. Занимайся своим насущным без заботы, тогда ты справишься с ним в три раза лучше. Страх, зреющий в заботе, утомляет душу и вредит делу; так что пусть забота улетает. Подумай только: что было бы наихудшим? Лишения? И перспектива лишиться чего-то — парализует и сковывает тебя? Отнимает у тебя силу, мужество, достоинство и досуг? Забота всегда мелочна и близорука, ты погрязнешь в ней. Она хочет скрыть от нас великие, божественные жизненные цели. Забота увязает в мелочах, в жалких. «здесь» и «теперь», в расплывающемся и исчезающем. Она — настоящий враг творческого восторга и вдохновения. Она разделяет людей, враждующих из-за своих противоречивых забот. Она возникает, как пыль, и распыляет жизнь и людей. Она печется о том, чтобы мы стали корыстными и мелочными. Мы должны научиться ее преодолевать. И только заботливая мать остается для нас вечно любимой: ибо она заботится о других и тем самым облагораживает заботу любовью.

БУДНИ

Они — сплошная беспробудность. Вечная забота. Тягучая скука. Непрестанный шум, время от времени прерываемый очередной неудачей. О, плохое настроение! А понедельник — это прообраз будней.

Да, тогда дело с жизнью обстоит плохо! Но нельзя перекладывать вину за это на «жизнь». У тебя не хватает искусства жить; было бы глупо ожидать, что жизнь устроит тебе торжественный прием. Так что твори сам и преображайся, иначе будни одолеют тебя. А в жизни нет большего стыда, чем быть побежденным — и не великаном, не могущественными врагами, не болезнью, а серою повседневностью существования.

Итак — искусство жизни!

Прежде всего: спокойно и мужественно смотреть в глаза врагу! Нам никогда не избавиться от будней. Они будут всегда. Они составляют материю нашей жизни. И если праздник служит лишь тому, чтобы, подобно молнии, осветить серость будней и обличить повседневность, то он нам вреден и мы недостойны его. Только тот заслужил радость праздника, кто полюбил свои будни. Как этого добиться?

Этого можно достичь, отыскав священный смысл в своей будничной работе, погрузив его в глубину сердца и осветив и воспламенив повседневность лучом его света. Это первое требование, даже первооснова искусства жизни. Что есть ты во Вселенной? Каковы твои деяния перед Отечеством? Каким предстаешь ты пред Лицем Божиим с твоей будничной работой? Что воздаешь ты ему. Господу?

Ты еще этого не уяснил? Ты еще этого не знаешь? Как же ты живешь? Бессмысленно, слепо, тупо и бессловесно? Тогда легко постичь «сплошную беспробудность» твоих будней. И скуку, и плохое настроение, и все им сопутствующее.

Нельзя слепо воспринимать ежедневный труд как лишенную смысла работу по принуждению, как галерную пытку, как муку от зарплаты до зарплаты. Надо одуматься. Надо понять серьезный смысл своей профессии и заботиться о ней во имя ее высокого смысла. Надо серьезно отнестись к самому себе, а значит, и к собственной профессии, и к собственным будням. Будни остаются, но их необходимо *преобразить изнутри*. Они должны наполниться смыслом, ожить, стать многоцветными; а не оставаться «сплошной беспробудностью».

Бессмысленно — это безрадостно. Человек создан так, что не может жить безрадостно. Тот, кто кажется живущим без радости, непременно выдумал себе замену радости.

Радость должна, однако, вырастать из повседневного труда, пусть даже только в том смысле, что трудишься все лучше и лучше, повышаешь качество своего труда, перемещаясь тем самым вверх по ступеням совершенствования.

Если же ты нашел высокий смысл твоего труда и радость в его качестве, сможешь ли ты и после этого говорить о «сплошной беспробудности»? Жизнь станет для тебя тогда светящейся нитью. И взлет в твоей жизни обеспечен. Ведь радость высвобождает творческие силы; творческие силы создают качество; а качество труда вызывает радость от труда.

Посмотри: так твои будни попадают в добрый круг духовного здоровья. И теперь для тебя нет больше тягучих будней, ибо ты предстаешь *пред Лицем Божиим* священным и исцеленным.

НЕУДАЧА

Устоять пред неудачей — первое, чему должен научиться каждый. Откровенно говоря: кто не понимает этого, тот — не мужчина. Простите! Также и не женщина. Скорее всего, это — трусы обоего пола.

И тем не менее каждый из нас должен однажды сдать экзамен на свою первую большую неудачу. В честь этой первой неудачи здесь дается несколько утешительных советов.

Да, конечно, это мучительно; часто даже страшно мучительно: столько надежд, столько усилий и столько огорчений!

Итак, первое: не погрязать в неудаче; не стенать; не составлять «длинный список потерь» и не думать о них непрестанно. Предоставим зверюлизывать раны. У человека есть более достойный выход: не признавать рану души своей. И — все.

Второе: нельзя представлять себя единственным несчастным дитятей на белом свете; ведь у каждого были неудачи, и у всех они будут. Нельзя также воображать, что эта неудача была «фатальной» или «непоправимой». Пока жив человек, все можно исправить, каждую неудачу можно и должно обратить в успех; да, даже каждый дурной поступок может и должен быть искуплен и произрасти исцеленным в ткани раскаивающегося, творческого духа.

Третье: нельзя, чтобы неудача казалась вам «позором», особенно в чужих глазах. Существуют миллионы таких чужих глаз. Стоит только представить себе, что из миллионов глоток кричат тебе: «Позор! Позор!», чтобы никогда больше не подняться на ноги. Для того, кто свободен от этой тяжести, неудача не является позором. В неудаче человек ощущает себя, конечно, внизу, как будто он свалился с горы, как будто он лежит там обессиленный... Но поэтому нужно как можно скорее покончить с этим! Близкий успех уже зовет тебя: ты не можешь ему изменить.

Четвертое: неудача — лучшая школа успеха. С ней надо обращаться как с предметом тренировки, как с необходимым закаливанием; как с источником понимания и мудрости жизни; как с дорогим поучением, как с трамплином для новой борьбы. Но это означает, что неудачу нельзя отдавать на расправу оскорбленным и разочарованным чувствам, ее необходимо воспринимать с помощью воли и обращаться с ней как с проблемой воли, и с помощью спокойного исследовательского разума — как с проблемой разума. Тогда путь к успеху проложен!

Скажи себе, твердо и решительно: «Задача была поставлена правильно; она осталась невыполненной; ее надо осуществить; это была лишь попытка; сейчас я снова займусь ее решением. Как мне лучше сделать это?»

Затем нужно продумать все так, как будто это была чужая неудача, на которой надо учиться: «Откуда пришла неудача? Чего мне не хватило? Где я действовал неправильно? Возможно, неосторожно или нерешительно? Возможно, заносчиво, поспешно, бестактно?» Надо всегда спрашивать и отвечать так, как будто речь идет о добром друге, которого, к сожалению, постигла неудача и которому надо помочь словом и делом. Чтобы умолкло собственное тщеславие и своенравие; чтобы выработать привычку спокойно переносить собственные недостатки и ошибки (а возможно, и собственные грехи и пороки) и научиться смирению; чтобы научиться извлекать из неудачи не только отдельную предстоящую удачу, но и — что более важно — возможность укрепить и облагородить собственный характер. И тогда, пожалуй, пусть жизнь превратится в непрерывную неудачу: в любом несчастье, при любом промахе победитель поднимет голову. Ведь в жизни действительно существует нечто большее, чем просто жизненный успех, а именно — *духовная победа над мелочным, тщеславным поганцем в собственной душе!*

Не правда ли, этот выигрыш — не второстепенное дело, непосредственно задуманное нами? Разумеется! Но в жизни часто бывает так, что в первоначально «второстепенном деле» позже узнаешь главное. Хотелось пробиться к «удаче», а обнаружилась дорога к победе, к духовному просветлению. И победитель, возможно, будет думать о совсем иных удачах, чем те, которых ему удастся достичь, и он будет славить свою прежнюю неудачу как составляющую настоящего счастья.

Поэтому — счастья тебе! Вперед, к неудаче!

ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Знать бы, откуда оно берется! Если бы можно было скорее прогнать его. Но оно как погода: никто не знает, откуда, когда, почему... В отличие от погоды, для нашего меняющегося настроения нет даже предсказателей. Нужно просто покориться.

Нет, ни в коем случае! Не может быть и речи о покорности!

Плохое настроение должно нас слушаться!

Плохое настроение — это не то, что я представляю собой, не то, что происходит в глубине моей души, оно лишь обозначает, как я к этому отношусь, и затем, что я даю почувствовать другим людям. Два последних обстоятельства — в нашей власти: мы распоряжаемся ими, и они должны покоряться. Кто этого еще не понял, должен по возможности скоро научиться понимать; потому что это относится к основам самообладания.

Плохое настроение возникает из внутреннего разлада, основной узел которого остается в подсознании, и его нелегко распутать. Этот разлад или, как выражаются лечащие душу врачи, этот «конфликт» возник не вдруг; скорее всего, он сохраняется с детских лет и может внезапно оживиться или слегка обостриться. Возможно, я избавлюсь от него; однако возможно также, что я буду нести его с собою до самой смерти. Да, я буду носить его в себе и его выносить, примирюсь с его существованием, буду вынужден поставить его на службу делу, одним словом — я справлюсь с ним творчески. Боже небесный, ведь это не причина для «плохого настроения»!

На свете вряд ли найдется человек, которому не приходилось иметь дело с душевным конфликтом. У каждого он свой, и каждый хотел бы избавиться от него. Неужели поэтому у всех есть право на плохое настроение? Должны ли все по этой причине становиться угрюмыми, ходить со злыми лицами или даже кричать друг на друга?

Внутренний разлад следует воспринимать серьезно, совершенно серьезно. Он принадлежит тому, что я есть. Он обозначает одну из моих внутренних жизненных задач. Он может обостриться, создать душевный застой, вызвать дурное настроение. Это дурное настроение остается для меня неясным, непроницаемым; оно входит в мою сознательную жизнь и в мое общее самочувствие как необъяснимый факт. Я чувствую себя подавленным, беспомощным, унылым. Из-за этого я раздражаюсь, и этому моему раздражению в виде «плохого настроения» я даю волю в обществе. Так это выглядит па самом деле. Но нельзя, чтобы так было и впредь.

Ясно, что за плохим настроением стоит конфликт. Этот конфликт нужно рассматривать как своего рода творческий заряд и обращаться с ним соответственно. Хорошо, что этот заряд есть; ведь из незаряженного орудия не выстрелишь. Совсем не страшно, что еще не удалось подчинить себе этот заряд: значит, есть задача и ее надо разрешить. Душевный застой неприятен. Но неприятность — всего лишь скорлупа новой силы и новой жизни. Расколи орех — получишь сладкое ядро. Нет причины для дурного настроения! Однако дурное настроение есть. Переноси его спокойно и уверенно! Ты его уже видишь насквозь. Посмотри, конфликт — это обещание, и вскоре ты уже победитель.

Ты вовсе не беспомощен. Ты обрел мужество, и подавленность пропала. Плохое настроение рассеялось.

Или еще нет? Так ты понял его творчески-интимную природу и будешь остерегаться делать сокровенное достоянием общества.

Твое личное дело, как ты относишься к своему внутреннему конфликту, к этому предчувствуемому заряду новых сил. Если ты не умеешь утвердиться внутри себя как победитель, если ты настолько неблагодарен, что, стоя пред главной задачей своей жизни, видишь лишь «трудности» и «неприятности» и становишься «угрюмым», то не выноси хотя бы на люди свою трусость! Сильный характер радуется трудностям и улыбается неприятностям. Чем труднее испытание, тем радостнее победа. Если ты еще не нашел в себе этих сил, будь тем не менее уверен, что ты их найдешь. Не можешь один — ищи помощи, но самое главное — молись: искреннюю молитву всегда услышат. Но только не обнаруживай свою преходящую слабость пред чужими!

Неприлично выбалтывать секреты; а плохое настроение совершает это. Как по-детски — плакать от боли; а плохое настроение — плакса. Как преступно заражать других своей болезнью; а плохое настроение заразно.

Разве ты не знаешь, как спокойно и мило умеет улыбаться превосходящий тебя? Эта улыбка для плохого настроения невыносима.

БОЛЕЗНЬ

Сначала установи, действительно ли это болезнь! Жизнь нелегка, часто довольно мучительна, возможно, даже безрадостна; а наше подсознательное подобно ребенку, подобно женщине, подобно плуту: оно способно подражать любой болезни, убежать в «болезнь», играть роль «больного». Подобное невротическое состояние, несомненно, само является «болезнью», но это совсем иная болезнь: ее можно исцелить искренностью и пониманием...

Если же это действительно болезнь, — никогда не ворчи всегда прислушивайся! Она как посетитель: что он хочет от меня? Она как путешествие: куда же я попал? Она как друг, который хочет предостеречь меня: берегись, здесь ты сделал в жизни ошибку, здесь с тобою может случиться нечто серьезное.

Благодарю тебя за предостережение, дорогой друг, за то, что посещаешь меня и побуждаешь к этому путешествию. «Кто хочет путешествовать, должен уметь молчать». Так что смотри и слушай! Оба — инстинкт и дух — должны дать знать о себе. Оба должны поведать нечто значительное; оба должны быть едины во мнении. Инстинкт должен излечить тело; дух — исцелить душу. Ведь здоровье — это одновременно здоровье души и тела; быть больным означает нуждаться одновременно в исцелении души

и тела. И только Христос, наш Спаситель, ведал, как с помощью духа исцелить и душу, и тело.

Инстинкт исцеляет тело. То есть: любое лечение есть самолечение. Эту таинственную работу не могут заменить ни врач, ни лекарства. Они могут только помочь, поддержать, ободрить. Этот метод исцеления действует сам по себе, по собственному побуждению. И действует так, что не набрасывается на симптомы немедленно, чтобы их устранить; ведь они целесообразны, служат исцелению и исчезают в свое время. Инстинктивное самоисцеление и есть восстановление. Больной и врач должны самым внимательным, самым желанным образом идти навстречу этому восстановлению. Что идет ему на пользу? Отдых, покой, накопление сил, питание, воздух, тепло, хорошее настроение. И только потом остальное. И если больной умеет к себе прислушиваться, он скоро заметит, что инстинкт совершенно самостоятельно выбирает полезное («мне хочется», «мне так хотелось бы», «мне было бы приятно») и чурается вредного («неприятно», «неловко», «отвратительно»).

Инстинкт хочет доверия. Чем самоувереннее он проявляет себя, чем послушнее ведет себя больной, тем скорее наступит исцеление.

А дух исцеляет душу. И здесь — исцеление есть самоисцеление; только не «снизу», а «сверху».

Итак, прежде всего — не брюзжать, не проклинать, не отчаиваться, как бы ни было плохо. Болезнь требует спокойной души, легкого настроения, уверенности. Еще для нее, возможно, потребуется некоторое время (она должна чуточку продлиться) и пространство (место, пребывание на курорте). Все это ей по возможности следует предоставить. Тогда-то и начинается самое главное.

Что существенного она должна мне сказать? О моей жизни: что я не сумел хорошо ее устроить; что я не ценю здоровье как дар Божий; что я сам должен расплачиваться за свою вину в том, что заболел; что здоровье уже само по себе — счастье и радость. Вообще о жизни: что она полна прекрасного, мимо которого я до сих пор слепо и равнодушно пробегал; что она предоставляет бесчисленные возможности для любви, добра, самопожертвования и подвига, которым я, непонятно почему, дал пронестись мимо; что время спешит и земной эпизод моей жизни отмерен; что я бездумно жил до сих пор, растрачивая великолепнейшие дары, и что завтра, да, уже завтра, начну новую жизнь. Затем еще о страданиях: что их нужно принимать как должное, что человечество непрестанно страдает и что предназначение страдания — дать понять человеку законы творения и волю Создателя, что вообще человек через страдания приходит к отрезвлению, просветлению, к совершенствованию; что самое важное в жизни — обрести через каждое страдание частицу *истинной веры* и *истинной мудрости*.

И что дальше? Болезнь стала восстановлением, отдыхом, просветлением в жизни! А теперь вот и исцеление. Нужны ли еще утешения?

БЕДНОСТЬ

Где она начинается, бедность? Какой малостью должен обладать человек, чтобы считаться «бедным»? Кто знает?

Я часто видел богатых и даже очень богатых людей, считавших себя «бедными» и в самом деле носивших в себе это ощущение. Они страстно жаждали большего, гораздо большего; они «нуждались» в том, в чем они вовсе не нуждались; они напряженно глядели «вверх», и только «вверх», и постоянно подсчитывали, чего им еще не хватает. Ненасытный, когда насытится он? Как помочь тому, кто забыл прекрасное слово «довольно»?

Я видел также людей в довольно стесненных обстоятельствах, считавших себя «достаточно богатыми» и в самом деле носивших в себе это ощущение. Их «состояние» было более чем скромно: они жили от зарплаты до зарплаты. И не нуждались в том, что им действительно было нужно; спокойно смотрели они «вниз» и часто подсчитывали, чего

еще они должны лишиться и как много людей, которым не хватает самого необходимого. Так называемые «лишения» давались им легко. Они были мастерами утешения; сами же не очень нуждались и в утешении. Мне казалось всегда, что свое «состояние» или скорее — «сокровище» они поместили куда-то в другое место. (Куда?)

Но это означает, что объективные размеры состояния не могут решить вопрос «существования в бедности». Маленький мешок скоро наполнится; но большой мешок с дырой — никогда. И еще: каждый должен решать сам для себя, «беден» ли он; другие судят об этом всегда неверно. И последнее — если ты хочешь для своих детей богатства, научи их смотреть «вниз» и легко переносить лишения; а еще вкусу к «довольно»; и духовной способности помещать свое «сокровище» куда-нибудь в другое место.

Итак, на земле нет бедности вообще? — Увы! Существует двоякая бедность. Материальная — когда человек теряет работу и переживает трагедию, которая кажется ему трагедией «лишнего» существа на свете; когда уже не имеет силы его право на работу и на жизнь; когда он сам уже не нужен; когда он уже не может смотреть «вниз», потому что для него нет больше «низа»; когда ему уже не может помочь искусство переносить лишения и довольствоваться тем, что есть. Тогда человек беден, действительно беден; тогда это настоящая бедность.

Наряду с ней существует и духовная бедность, это когда человек не может постичь, что есть верное и прекрасное «иное место», в которое он может поместить свое истинное «состояние», свое истинное «сокровище»; когда он воспринимает речи об этом «ином месте» как глупость, с издевкой отвергая их. Из-за этого сам человек делается как бы «лишним»; бессмысленными становятся его жизнь и его достижения; и пока он не поймет этого, сам он едва ли нужен. Он даже не подозревает, чего в действительности лишился и куда, собственно, направляется. В этом случае человек снова беден, по-настоящему беден, но совсем в другом смысле. Вот это и есть настоящая бедность.

Но самое печальное заключается в том, что люди второго вида бедности так часто проходят холодно и гордо мимо людей первого вида бедности. Отсюда возникает безбожный, нехристианский порядок жизни. А в нем — беда и опасность сегодняшнего мира.

ОБИЖЕННЫЕ

Разве все мы не мимозы? Ах, как мы чувствительны, как чутки, когда это касается нашего, личного! Как быстро мы замечаем малейший промах в этой области! Как «горько» сразу становится у нас на сердце! Как будто мы — естественно, каждый по-своему — окружены необычайно возбудимой воздушной «аурой», которая тут же вздрагивает, трепещет, чувствует себя «обиженной».

Лишь совсем немногие из нас так «чувствительны» и «восприимчивы» в деловых обстоятельствах, тем более что никто не знает, как выглядит «деловое» и где оно пребывает. Если же «я» способствую делу, то это «мое дело»; а «мое дело» — это «я сам». Или еще проще и откровенней: мое «я» — мое «дело», мое «главное дело»; и кто с ним не соглашается, тот, значит, «против меня», он мой «враг» и только поэтому, вероятно (или даже — точно), — мерзавец. Сердца людские инстинктивно тщеславны. Круг их признания, их действительности, их компетенции кажется им слишком малым; их самолюбие, их самооценка, их честолюбие, их тщеславие требуют большего. Чувствуешь себя недооцененным; втайне составляешь длинный счет — «все, что мне задолжал несправедливый мир», — и носишься с этим счетом повсюду. Так инстинкт тщеславия переходит у нас в голод тщеславия; наша «аура» становится все чувствительней; и на такую ауру градом падают обиды. Тогда мы — «обиженные».

Но ведь не все люди «таковы»?! — Нет, слава Богу, не все. Есть бесконечно много ступеней и оттенков: от алчности до полного самообладания, от острейшей раздражительности до просветленного и мягкого спокойствия. А там, где есть

самообладание, где человек преодолел возбудимость своей личной ауры, все сразу же чувствуют успокоение, облегчение; в этом случае не надо ходить па цыпочках вокруг болезненной раздражительности ближних, чтобы сдуть мельчайшую пылинку возможной обиды; тогда в жизни образуется как бы оазис душевно-созидательного равновесия и здоровой деловитости.

Наряду с этим существуют люди просто с манией обиды, будто их где-то, когда-то — кто знает, где и когда! — раз навсегда обидели. Встречаешь такого, приветствуешь и тотчас же видишь, что он уже «обижен». Тогда целый час ломаешь себе голову, гадаешь, что бы это значило; напрасно — «обида» присутствует изначально, «непрестанно, неудержимо, всевластно» она рвется вперед и ищет лишь, к чему бы ей прицепиться. Для этого годится все: ваш более красивый галстук, ваш рассеянный взгляд, ваша недостаточно высоко поднятая шляпа, все дает повод, все раздражает раненую душу. Восхваления? Не помогают! Содержания этих восхвалений он не слышит; все остальное — форма, тон или то, что его вообще восхваляют, как если бы для «него» важны «восхваления», — обижает его снова. Неопытный любитель — а таковые мы все и есть — здесь мало что может сделать. К месту только снисходительность и прощение.

С подобными людьми надо обращаться как с душевнобольными. Не как с безумцами или сумасшедшими (такowymi они вовсе не являются), а как с больными и страдающими. Есть люди с открытыми ранами на теле. Здесь же говорится об открытой ране в душе. Эти люди больны изначально обидчивостью, и с ними надо обходиться бережно. Свою накопившуюся боль, свою наслоившуюся и сгустившуюся горечь, свое судорожное недоверие, зависть и ненависть, свое странное самоистязание и совсем особо — свое удовольствие чувствовать себя жертвой истязаний они должны излить в потоке жалоб, описаний и слез, выстонать, вырыдать их; чтобы броситься затем в благословенный поток *беспощадной любви и беспощадной жажды быть любимым*.

Но кто захочет прислушаться к ним? Где тот мудрый и добрый, у которого есть ухо и сердце для этих обиженных? Ведь ни один из нас, «людей ауры», подобных мимозе, не согласится на это...

О, совсем не легко идти по жизни одиноким, непонятым человеком, обиженным, непощаженым, нелюбимым и беспомощным!

ОДАРЕННЫЙ

Бедный человек, чего ему только не приходится выносить в жизни! И его еще причисляют к «счастливым», не имея ни малейшего понятия о том, как ему, собственно, живется.

Прежде всего — повышенное бремя требований. Каждый считает себя вправе ожидать и требовать от него большего. Собственно, еще никто не знает, что в нем творится, что это может быть за «одаренность». Но у бедного мальчика уже есть эта несчастная слава — что он «одаренный»; и никто не хочет думать о том, что у каждой «одаренности» есть своя мера и свои особые пределы, что всякая одаренность есть в некотором роде ограниченность. Еще ребенком одаренного мучают, гоняют, травят, треплют.

Затем из него должно получиться нечто «особенное». Нам, остальным заурядным людям, живется легко: получится из нас нечто полезное — и этого довольно, остальное никого не касается. А одаренный всегда находится в опасности «осрамиться». Он всегда в неприятном положении невольного обманщика: будто он наобещал «Бог знает что» и должен сдерживать обещание. Всю жизнь он видит себя перед этой дилеммой: или сверхдостижение — или «срам», и не знает, как и когда обретет покой.

Он опять же совсем не знает, как это получается, что почти все люди вокруг настроены по отношению к нему скептически и иронически, зложелательно и злорадно. Как если бы он каким-то образом их обидел или оскорбил; как будто его неудача доставляет им какое-то странное удовлетворение, как если бы их повысили по службе или, по крайней мере, намазали им немного меда на черствый хлеб будней. Будто большинство безмолвно шепчет ему: «Как, ты еще здесь? Когда же ты исчезнешь, докучливый?» Он должен

всячески внушать себе — это только его воображение, легкая мания преследования, все с ним мило и любезно. Но это не помогает. И он прав: ведь мы, заурядные люди, отлично умеем подперчить одаренному пирог жизни и подкислить ему вино наслаждения в бокале. Ведь его «чувство превосходства» просто невыносимо, а его «самолюбие» переходит все возможные границы. Не правда ли?..

К тому же на него направлены все глаза; все хотят узнать о нем побольше: сколько он получает, где бывает, как ведет себя, не заводит ли любовных пашней на стороне... Для нас, заурядных людей, он предмет разговоров, сплетен; для этого они и существуют — одаренные, незащищенные, выдающиеся, — чтобы мы могли удовлетворить наше подлое любопытство и позабавиться за их счет.

К этому, кроме прочего, примешивается зависть соперников, козни противников, косые взгляды коллег — короче, атмосфера, окружающая одаренного на работе, где правилом считается: «Твоя удача — моя неудача, твой промах — мое процветание...»

А если его, бедного одаренного, посетят еще и все наши пытки египетские: скука, бессонница, забота, неудача, хандра, болезнь и бедность; и если кто-то еще обидится на него за случайную слезу на глазах, тогда... разве тогда не полна его чаша? Кто тогда нуждается в утешении — одаренный или неодаренный?

О, если бы сердце наше могло освободиться от зависти!

КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

Она писала мне: «Да, я не хотела высказываться тогда, перед всеми, когда почтенный старый господин задал вопрос — прекрасно ли быть красивой. Я совсем смутилась и сидела тихо-тихо. Я предоставила говорить другим. Кстати, я совсем не так красива; вероятно — красива только наполовину. И другие бы тоже не поняли или — неверно истолковали. Но Вам я хочу высказаться без стеснения, Вы поймете меня, и потому я так охотно болтаю с Вами.

Будучи совсем молодой, по-детски любишь свою «красотой». С удовольствием смотришься в зеркало и очень радуешься этому, и, ах, как хотелось бы еще чуть-чуть добавить до полной красоты. Но позже, когда, возможно, сделаешься подлинно красивой, эта радость исчезает. Куда? Поверьте мне, я много страдала и много думала! Она исчезает из-за отношения других.

Женщине, считающейся красавицей, стоит только войти — как сразу же начинаются мнения и пересуды. Она чувствует, что за ней наблюдают, на ней останавливают внимание, она выставлена напоказ толпе так называемых знатоков и оценивается ими. Мужчины смотрят сладострастно, дамы — критически или даже саркастически. Достаточно только раз заметить это перекрестье взглядов, как теряешь непосредственность, все становится таким мучительным, и сидишь такой несчастной.

Затем сыплются банальные комплименты, в которых мы вовсе не нуждаемся. Мы, женщины, ощущаем моментально и без слов впечатление, которое мы производим. Эти жалкие и плоские речи о «преlestном» и «прекрасном» могут тешить и прельщать лишь самых тщеславных из нас. А если эти неизбежные любезности высказываются еще и в присутствии других дам, гнев застилает нам глаза; и это опять же находят «восхитительным».

И как следствие — зависть и ревность, незаслуженно, но обидно; а с ними — это нескрываемое злорадование и эти колючие намеки, которые надо не замечать! Мне приходится расплачиваться за мои глаза, за то, что они большие и голубые, а к тому же еще и лучатся; за мою улыбку, о которой мне однажды было сказано, что «ее свет проникает прямо в сердце» — и за кое-что, другое. На самом деле красавица не должна быть красивой, чтобы не ранить других. Ее красоту ей просто не прощают.

Но я еще не сказала о настоящем несчастье. Для большинства людей красота женщины исчерпывается ее внешностью. Восхищаются ее телом и желают его; ах, так часто, так элементарно, так без всякого желают его! Ей «не нужно» быть умной, тонкой, образованной. С духовностью она тоже может не иметь ничего общего. Все это «излишне», как шестой палец на руке. Мужчины смотрят на нас — и их взгляд становится тяжелым, мутным и глупым. К нашей душе, какой бы она ни была богатой и нежной, они едва ли способны проявить настоящий интерес. Как часто мне приходилось чувствовать, что кто-то равнодушно проходит мимо и принимает мою так называемую красоту за *меня самое*.

Каким трудным становится для нас из-за этого подлинное духовное сближение, подлинная дружба! Умные мужчины часто робки и считают нас глупыми и пустыми; а иные, которые так легко отваживаются приблизиться к нам, самоуверенные и дерзкие, обычно не знают ничего о духовности и дружбе.

Если бы можно было быть красивой — не для всех, лишь для немногих, для избранных, возможно, было бы много лучше! Но так не бывает. Поэтому я часто вынуждена говорить себе: пока люди не научатся беречь красивую женщину, красота будет скорее бременем, чем счастьем, скорее мукою, чем радостью; и лишь бесчувственные, ветреные женщины или глупые и злые умеют бесцеремонно наслаждаться своею «красотою».

Может ли быть красивой глупая или злая женщина, я не знаю. На этот вопрос мне должны ответить Вы. В благодарность за мою откровенность».

НЕКРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

Я писал ей: «Так печально сказали Вы мне тогда: «Он не полюбит меня, ведь я некрасива!», что я ушел домой со стесненным сердцем. Но Вы неправы, фрейляйн Лотта! Откуда Вы знаете, что любят только красавиц? Что, быть красивой легко и весело? Что, красота и счастье идут рука об руку?

Если мы увидимся вскоре, я прочту Вам отрывок из письма, которое мне написала как-то одна действительно красивая дама. Это было письмо-жалоба о нескромности, о тщеславии, о зависти других, о преграде, которой стала красота для красавицы, об ослеплении людей, об одиночестве красивой женщины... Искренние и глубоко прочувствованные слова; они исходили из души, которая сознает внешнюю красоту своего тела и следует в одиночестве внутренней, духовной красоте. Ведь что может быть отвратительнее, чем уродливая, злая, глупая душа, заключенная в прекрасном теле?..

Совсем не нужно быть красивой для того, чтобы заслужить любовь и иметь право наслаждаться счастьем. Да, мужчины легко влюбляются в красивых женщин. Однако влюбленность еще далеко не любовь и не счастье; она — скорее опьянение и судорога, часто болезнь, порой катастрофа. И счастье дает лишь тогда, когда с самого начала несет в себе священное зернышко духовной любви и тем самым обладает способностью углубиться и созреть до любви.

Что есть красота, где начинается она? Я смею утверждать, что каждая женщина может быть красивою и может стать красивою; и если она это может, то в ней уже дремлет красота, как скрытая предрасположенность, или власть и влечение. Это предрассудок, что красота всегда предстает раскрытой, положительной и совершенной. Напротив — она приходит и исчезает, созревает и искажается; и самая раскрасавица мгновениями бывает уродливой. Предрассудок также и то, что определение красоты можно свести к правильности черт, форм и красок: напротив — все оживляет именно душа; все решает именно живое выражение; именно внутренняя красота делает внешнюю гармоничность истинной красотой! И эта внутренняя красота имеет тайную власть, которая превращает неправильные черты в пленительные, да, пленительно красивые, изменяет и освещает их.

Каждый человек получает свое лицо и свое тело не как нечто окончательное, раз навсегда завершенное, а скорее как исходную точку, предварительно данный материал,

пластическая обработка и формирование которого предоставляется, доверяется, поручается его душе. Он должен жить в своем теле и творить его; а то, что он переживает в душе, непосредственно и неизбежно запечатлевается в его теле и в чертах его лица. Ведь, как говорил Гете: «Что внутри — то и снаружи». Внутреннее уродство искажает самое красивое лицо; внутренняя красота освещает и облагораживает самые неудачные черты так, что они становятся незаметными. Внутренняя гармония, доброта, достоинство, идейное богатство, сила характера, любящее сердце и веселый нрав — если все это лучится из очей, одушевляет лицо, управляет движениями, кто видит тогда математически неправильные черты, несовершенные краски, недостаток внешней красоты? Тогда дух властвует над телом; тогда прекрасная душа говорит из внешне некрасивого тела — и тело выражает это — делая его, некрасивое, красивым.

Каждая некрасивая женщина может и должна стать красивой. Но — изнутри, только изнутри, не путем этих поверхностных внешних «поправок», которыми так безнадежно стараются наверстать упущенное внутри... и именно так, что все упущенное и все «поправленное» без труда читается на лице.

Каждая некрасивая женщина может и должна стать красивой. При этом она должна уйти в себя, в глубину, где она слышит пение ангелов. Она должна вслушаться в это пение, забыть в нем, очиститься в нем и жить им. Тогда это пение зазвучит из ее души, и она сама будет цвести и светить другим людям.

И кто не полюбит эту «некрасивую» женщину, тот поистине не достоин ее».

ЛЮБОПЫТСТВО

Прекрасная вещь — обходиться без утешения, не нуждаться в нем, не ждать его! Так человек становится победителем, ему покоряется судьба.

Но любопытный на это не способен. Каждый миг его надо чем-то новым утешить, чем-то новым обнадежить. Напряженно всматривается и вслушивается он в мир: не промелькнет ли там что-нибудь новое. Что? — Неважно! Что-нибудь неизвестное, неиспытанное, неслыханное. Иначе — иначе грозит скука...

Любопытство ненасытно. Любопытный — обжора; его призвание — волчий аппетит. Подобно пылесосу, следует он за добычей и проглатывает новую пыль маленьких и больших событий. Да, разумеется, только пыль, которую он где-то накопил и с которой не знает что делать; позже искусная рука извлечет из него эту пыль — пыль разрозненных известий. Любопытный всегда восприимчив, но поверхностно: потому что он не вглядывается, он только смотрит; он хочет брать, «воспринимать», пусть даже взятое вовсе не правда. Лишь изредка он это как-то использует; потому что он не созидатель. Он курит новизну, как сигареты — одну за другой; и дым улетает в воздух. Но сам он — действительно ли существует? Представляет ли он действительную реальность? Может быть, он только сказочная шляпа с дырой, которая, наполняясь золотом до краев, всегда оставалась пустой? Или, может быть, он подобен шлангу водяного насоса?

Для любопытного важен не факт, не правда, не проблема; а лишь порог неизвестного: он вновь и вновь преступает его; это его радость, его утешение, его новая сигарета. Ради чего же переступать? Этого он не знает. Тогда его «волчий аппетит» ограничивается вкусом и запахом. Он останавливается на предвкушении. Он хочет лишь прелести новизны; лишь приправы, а не сущности пищи. Может быть, он хочет «приподнять завесу Изиды¹⁵»? Нет; это было бы для него слишком, это могло бы его сразить, обязать, наложить на него ответственность. Тогда ему пришлось бы созерцать; а это ему не подходит: ему не дано больше, чем смотреть. Ведь тогда ему, возможно, пришлось бы еще и действовать; а это ему также не подходит: он может только порхать. Он — безответственный потребитель, который, утоляя жажду, хлебает утешение жизни из чаши собственной пустоты...

Итак, нам не надо его утешать. Пусть он утешится сам. А что же другие, на коих он часто производит столь безутешное впечатление?

Он благоразумен и умен для того, чтобы принимать людей такими, какие они есть. Но никто из них не может превзойти самого себя; ни один воробей не пролетит над горой, ни один червь не переползет через облако. А ведь каждый фотограф тоже оказывает добрые услуги. Любой исследователь может найти хорошее применение чужому любопытству. Есть даже профессионалы, занимающиеся сбором новостей.

Однако любопытство, как таковое, следует правильно оценивать. Тому, кто воспринимает жизнь всерьез, чужое любопытство обременительно, а собственное — несносно: он скоро с ним справится. Кто хочет глубины, тот должен учиться *видеть*, тот не может гнаться за «новым», тот должен полюбить «старое». Потому что Великое и Существенное, Святое и Божественное — это древнее и вечное, но всегда новое и благодатное для видящего...

Любопытство — источник поверхностности, опошления жизни, безбожия. Подобно плохой тропе, оно незаметно ведет человека в пагубное болото.

НЕНАВИСТЬ

Существует так много мерзостей на свете, против которых уместными и естественными кажутся моральное негодование, духовное отвращение, справедливый гнев! Преступления, подобные торговле девушками, измене Отечеству, злостной клевете или заведомо ложным доносам призывают к решительному осуждению, которое должно действовать наказуемо и очищающе. Но ненависть...

Ненависть — это душевная болезнь, несчастье для самого ненавидящего и его окружения. Эта болезнь состоит в том, что сердце человека, то есть чувствительный центр его личной жизни, упорствует в отрицании, высыхает и каменеет в нем. При этом все в личности перерождается — ее мысли, ее воображение, ее интересы, ее оценки, шутки, смех, речь и даже почерк; и, конечно, стремления, намерения, образ действий. Все подчинено душевному спазму отрицания. Все пропитано ненавистью и опирается на нее.

Человек счастлив лишь тогда, когда он отдается любви и отдается самозабвенно. Ненависть же делает это счастье невозможным. Ненависть — отрицающая, разделяющая, презирующая; она отступает, она зложелательно оценивает врага; она не может и не хочет отдаваться. Она ведет себя жестко, холодно и неприступно; любовь кажется ей «мягкотелой» и «глупой». Забыться она не может, потому что является разновидностью вечного голода и вечной боли. Она подобна ране; и сама же берedit эту неизлечимую рану, как бы наслаждаясь собственной болью. Она — это судорога, которая сама себе нравится и потому не дает себе прекратиться. Этим затормаживается и парализуется эмоциональная жизнь ненавидящего. Застой царит в его душе; тяжелая, напряженная, насыщенная злобой атмосфера. И только тонкий душевный слух мог бы уловить сквозь этот плотный воздух в подземной камере пыток тихий стон еще не задушенной любви.

Ненавистник болен своим ненавистным врагом, кто бы он ни был — соперник, социальный класс, другой народ или целый мир. Внутренне он не может отделить себя от своего врага; у него неутолимая потребность видеть его в черном свете, объяснять его действия в черном свете, желать ему зла; он фиксирует его «отвратительность»; в душе как бы «лелеет» его гибель: он унижает его, заставляет его страдать и наслаждается его воображаемой гибелью. Он мечтает о «наказании»; он взыскует отмщения; он упражняет свою душу в злобе и мерзостях. И все, что он замышляет, и все, что он желает своему

врагу, заражает все уголки его собственной души, искажает и портит ее изначальную естественную доброту, парализует ее творческие силы. Ненавистник несет в себе самом свое проклятие и свою судьбу, служа разрушению и социальному разобщению. Необъективным и неясным становится его духовный взор; и чем больше он предается ненависти, тем больше он склоняется к галлюцинации. Уже он теряет способность трезво и реально наблюдать, уже он ищет врагов везде; уже он преувеличивает все; уже в его взоре проскальзывает начинающаяся мания преследования...

То, что при этом «светится» из его очей, — это черные лучи ненависти; они проникают в другие души и будят в них злые инстинкты. То, что он проповедует, — это подозрительность, жажда мести и убийство. Там, где он «работает», рвутся всяческие естественные связи, там объединяются завистники, неполноценные, люди злой воли. Там, где он имеет «успех», все идет к разложению, там пахнет кровью.

Сегодня мир болен ненавистью. И если мы не найдем верного противоядия и со своей стороны будем лишь ненавидеть ненавистников, то сами увязнем в ненависти.

ПРОДАЖНОСТЬ

Когда я слышу или читаю о чужих странах, где процветает продажность и где чиновники предлагают себя на продажу, у меня иногда появляется желание написать этим господам следующее письмо:

«Господа, позволяющие себе продаваться! Знаете ли Вы, что Вы делаете и чем Вы торгуете? Думаете ли Вы когда-нибудь об этом? Вникали ли Вы когда-нибудь в суть этого?»

Каждому из Вас доверена служба, где Вы должны поступать согласно законам и рабочему распорядку. Однако кое-что, а возможно, и наиболее существенное предоставляется Вашему суждению, Вашей «чести и совести». Иначе и быть не может, поскольку государственная власть не в силах всего предусмотреть и превратить чиновников в постоянно действующую машину. То есть каждый из Вас является тем, кто должен регулировать отдельные явления жизни. И тут Вы открываете свою лавочку.

Вы продаете то, что Вам не принадлежит. Что сказали бы Вы, если бы кто-то другой стал продавать Ваши вещи, как свои собственные? Разве не закричали бы Вы тут же «держи вора»? Дело Вашей службы далеко не Ваше личное дело. То, что предоставлено Вам, называется «Государственными полномочиями для соблюдения общественного блага», а не «частным правом, защищающим Ваши дражайшие личные интересы».

Однако Вы превращаете общественное благо в частный товар, нарушая тем самым доверие, которым удостоил Вас Ваш народ и Ваше начальство. Вы думаете, что после этого Вам все же удастся поддержать личную честь и достоинство? Вы думаете, что человек чести может обращаться с честью и совестью, как с ходовым товаром, и предлагать его на продажу? Или, возможно, Вы придерживаетесь умного мнения: «не пойман — не вор»?

В течение многих поколений Ваш народ накапливал духовный капитал обоюдного доверия и уважения к государству и государственной службе. Это живой оплот правосознания, жизненная основа общей лояльности и законного правопорядка. И Вы расточаете это сокровище, чтобы лично обогатиться; теперь Вы разбазариваете этот духовный капитал и подрываете тем самым политическую — субстанцию своего народа. Недостойные сами, способствуете исчезновению достоинства и из Вашей службы; бесчестные сами. Вы бесчестите свой народ и государство. Вы заботитесь о Вашей дорогой семье, как Вы говорите; и потому лишаете своих детей, а также весь народ благороднейшего единения, необходимого каждому народу в его истории: единения *верности* и *доверия*. Или, возможно, Вы думаете, что личное состояние может

при вероломных обстоятельствах сохраняться и обеспечивать безопасность? Или Вы бабочки-однодневки по призванию? Создания, не имеющие никакого представления о том, что есть Отечество, что есть честно и что есть социально».

Такое письмо, вероятно, все мы однажды намеревались отправить этим чужим господам, прилагая при этом большие усилия, чтобы написать им «Вы» и «Ваши» с большой буквы. Но письмо это, разумеется, осталось ненаписанным.

КАРЬЕРИСТ

Речь идет не о «к чему-то стремящемся» человеке, поскольку вся жизнь состоит из «стремлений»; и кто ничего не желает и ни к чему не стремится, тот не относится к живущим, возможно, он еще «не пробудился» к жизни, возможно, он «уже отжил свое», кто знает? Поэтому хорошо, если люди стремятся к чему-то.

И исследовательского диагноза требует не «целеустремленный» человек, ведь целеустремленный работоспособен и верен долгу, он служит со рвением, ищет лучшее, работает с радостью и гордится своей хорошей работой. Поэтому хорошо, если человек «целеустремлен».

Однако надо иногда изучать и «карьериста»; и особенно — его методы.

Есть черта, которая разделяет «карьериста» от «некарьериста». Эту черту нельзя ни ровно провести, ни формально истолковать: ведь внешний признак обманчив, суждение же по формальным признакам почти всегда необоснованно. «Карьерист» — не тот, кто служит для блага своей Родины, своего народа, своего государства при любом правительстве, стараясь при этом быть деловым и добросовестным, верным и неподкупным...; а тот, кто при любом правительстве заботится исключительно о собственной карьере. Разделяющая черта касается, таким образом, внутренних воззрений человека, цели его жизни, которые он, конечно, умеет скрывать. Поэтому не так-то просто распознать настоящего карьериста и обезопасить его.

Итак, истинный карьерист живет собой и своим жизненным успехом. Остальное для него — только средство и инструмент, только беговая дорожка и трамплин. Он хочет быть хорошим спринтером. Поэтому не желает обременять себя: ни школьными товарищами, поскольку они знали его «маленьким», «необразованным» и «начинающим», ни родственниками и друзьями, которые так охотно навязываются преуспевающему человеку и цепляются за него. Такие связи для настоящего «гражданина мира» только избыточная и вредная обуза. Под «отношениями» он понимает нечто совсем иное: благоприятные, покровительственные связи с влиятельными, видными, известными людьми. Таковые он должен приобретать. Каким образом — безразлично; любым — службой или угодничеством, открытой или замаскированной взяткой, комплиментом даме или лестью мужчине, хорошей бутылкой вина или удачной женитьбой, часто совершенно беззастенчивым хвастовством или весело рассказанной непристойностью...

Совсем неприятны ему так называемые «убеждения»: «умному» человеку вообще нельзя тащить их за собой. Для чего? В жизни все — вопрос целесообразности. А тут еще эти «убежденные» люди — тупые догматики, тщеславные борцы за принципы; настоящее мучение для «реалиста».

«Реалист» рвется «вперед». Он должен посмотреть, в чем же, собственно, дело и откуда «ветер», как ему надо «настроиться» и «перестроиться» и не надо ли проделать «сальто мортале». Он создает целую «методологию» успеха в жизни, рецепты которой кажутся достойными внимательного изучения.

Никогда и нигде нельзя оставлять закрытыми двери. Нужно везде завязывать связи; всегда сохранять готовность к переговорам; особо выделять по мере надобности «за» и «против»; оставлять для себя открытыми большие улицы и маленькие переулочки; и никогда, даже после пятой бутылки вина, не быть откровенным.

Затем очень важно найти одаренных людей, доверительно извлечь из них все лучшее, чтобы затем преподнести это под собственным именем. Выжато таким образом можно позже уволить по сокращению или устранить иным способом.

Далее рекомендуется нащупать в любой ситуации центр власти на данное время, присоединиться к нему и вместе давить на более слабых; при этом лучше как можно реже показывать себя и подвергать опасности.

Полезно не отказывать ни в чем напрямую ни одному человеку, а, напротив — благожелательно выслушать каждого, отделаться от него пустыми обещаниями, выполнить его просьбу «позже», чтобы в результате свалить возможную неудачу на другого.

Но самое главное — заинтересовать как можно больше людей в их собственном успехе, становясь как бы копилкой или живым аккумулятором их надежд, симпатий и энергии. Тогда постепенно становишься «равнодействующей» в параллелограмме социальных сил. Тебя продвигают со всех сторон, причем продвигающие не осознают своего сотрудничества.

Есть еще много подобных «методов». Настоящий карьерист владеет ими всеми и изобретает новые, расширяя свои способности к приспособлению и свою непредвзятость, не служа никакой идее и освобождаясь от любой более высокой ответственности. Человеческая история богата подобными примерами, особенно в смутные времена; и только правильное, христианское, религиозное воспитание сможет научить человека тому, что должны обозначать прекрасные слова «я служу».

ЗАВИСТЬ

Добрые и злые феи подошли к колыбели человека и принесли ему свои дары. Самая злая из них подарила ему зависть. Возможно, это была переодетая фурия.

Пока люди живут на земле, они должны ладить, находить дорогу друг к другу, объединяться, помогать один другому. Иначе земля разверзнется под ними и небо расколется над их головой. Но зависть — сильнейшее средство развала: его выдумал когда-то мастер «Врозь» и «Друг против друга».

Для того, чтобы ладить, людям надо «прощать» друг другу свою непохожесть, свои преимущества, свое первенство. Не только в обладании состоянием, но во всем: ты умен, одарен, образован, красив, силен, богат, высоко стоишь по службе — я нет, ты — наверху, я — внизу; ладно, я принимаю это, я довольствуюсь этим... Мой «низ» меня устраивает; он для меня достаточно «высок»; оставайся выше меня, если можешь и если тебе это нравится. Я не завидую тебе. Если же мне станет недостаточно моего «низа», я буду бороться за «больше» и «лучше», но не желая отнять у тебя твоего. Я буду трудиться; творчески работать; перемещу себя «вверх» — в соревновании, но без зависти. Ты только оставайся «наверху»; я поднимусь, к тебе.

Соревнование как внутренняя побудительная причина — явление здоровое, созидательное, братское. Его формула разумна и нравственна. Она гласит: «Я, и ты, и он! Мы все! Вместе — вопреки противостоянию вместе друг с другом! Да здравствует качество!»

Зависть — как внутренняя побудительная причина, — напротив, болезненна, разрушительна, враждебна. Ее формула — неразумна и безнравственна. Она гласит:

«Я, а не ты и не он! Я один! Пошли все вон! То, что не станет моим, — пусть погибнет!» А так как «моим» может быть лишь малая толика, в зависти дремлет инстинкт убийства и разрушения.

Зависть — прежде всего скупость и алчность. Она ненасытна, как любопытство; она означает тем самым — вечную бедность, вечную заботу, вечно плохое настроение; всякую удачу она превращает в неудачу и оставляет человека бедствовать в безнадежном одиночестве. Жестокий завистник — зложелатель: он обижается на человека за чужое счастье; его задевает всякий чужой успех; любое положительное качество в другом мучит его как рана на сердце; гнев лишившегося на обладателя наполняет его; как ярость неполноценного, постоянно чувствующего свою неполноценность, а поэтому пристрастно отмечающего чужое превосходство. К «делу» он даже не подступает: он застревает в борьбе между «я» и «ты»; и в этой вечной борьбе изводит себя самого и своего противника. Если же его ярость расширяется до социальной программы, тогда она выливается в классовую борьбу; и начинается марксистская гражданская война.

Где же спасение и утешение? В искусстве не завидовать. Оно вовсе не сложно. Дари каждому то, что у него и так есть; и не копайся непрерывно в собственной неполноценности. Отбрось это жалкое «вычитание» — твоей мнимой «малости» из якобы чужого «превосходства». Знай, ты сам стоишь «сложения». Поднимайся вверх, не сталкивая вниз другого. Не завидуй! Не завидуй! И — самое важное — научись в большом деле забывать о себе!

САМОМНЕНИЕ

Оно имело место во все времена, но прежде никогда не встречалось в подобном масштабе. Эпоха все опошляющей популяризации, эпоха полунатуки и полуобразованности вызвала к жизни этот тип человека. Он воображает, что умен и рассудителен, что все понимает, что знает «это» и еще кое-что, что он может «то» и еще многое. Наконец, он «все» может. И уже из одного этого он орет, третирует всех, загоняет в угол, клеймит позором. Он выступает самоуверенно и напыщенно и повергает в изумление весь мир; его могло бы, пожалуй, устроить разве что всемирное землетрясение. Меньшим он едва ли будет удовлетворен.

Чего он только не «знает»! Для него не существует трудностей и тайн: все плоско и примитивно. С Богом — давно покончено. Отечество — предрассудок. Национализм — предубеждение. Частная собственность — хищение и злоупотребление. Человек — похотливая тварь. Наука — классовый обман. Свобода — лишь во всеобщей пролетаризации. И вообще — мир должен склониться и не пищать.

Понятно: не могут все быть равно образованными и равно скромными. Многие знают немного. Ладно. Но вот один знает мало и не подозревает об этом; он наивен. Другой знает столь же мало, как и первый, однако воображает, что знает много и точно; значит, он предается высокомерию. Наивный еще даже и не размышлял о самом себе; его собственная умственная способность и власть, их пределы еще не стали для него проблемой. Высокомерный, напротив, поднял на щит самого себя. Он безмерно переоценил свои возможности. Он неверно очертил свои пределы. Мания величия точит его нутро, как червь.

Каждому из нас нужно здоровое доверие к себе («то, что я могу, я точно могу»); никому не впрок дурная заносчивость («я больше того, что я есть»). Заносчивость возникает из иллюзии; но ведь на иллюзии не построишь ничего верного; а то, что все же на ней строится,— гнило и хрупко. Так, высокомерие как будто создано для того, чтобы наказать себя. Свои опасности оно несет в себе; его тяжкие последствия дремлют в его лоне. Его слабость суждений, его надменность, его глупо-дерзкая работа локтями ведут его к гибели.

Умный часто подвергает свой ум сомнению; он постоянно осязает собственные пределы; а когда находит их, старается расширить органично, а не перешагнуть через них механически; он упражняется в аскетичности суждений. Глупый — наоборот: ему даже в голову не приходит, что он может быть глупым; свою малость он считает истинной величиной и полнотой, и кара следует за ним по пятам.

Это — подлинная судьба коммунистического государства. Возникшее из высокомерия — ибо марксизм, прежде всего, духовное и экономическое высокомерие! — оно впадает в большевистскую грубость и в коммунистическую манию величия. И кара дремлет в его лоне: она означает разрушение качества во всех областях жизни.

От высокомерия нет спасения. Ему надо пройти суровую школу объективности; оно должно научиться первой христианской добродетели — смирению и усвоить его. Ибо в смирении человек постепенно становится тем, чем на самом деле должен быть. Ему раскрываются высота и глубина, он предстает пред Лицом Господа и чувствует себя в Руце Божией. Только так у него вырастают крылья; и он ощущает их, не впадая в высокомерие.

БЕСЧЕСТИЕ

Зияющая расщелина образовалась в современном мире. Ее начало простирается далеко в XIX век. Ее истинной глубины, кажется, еще долго не достигнуть. Нельзя не замечать ее по слепоте или близорукости; скорее подобает обзреть ее спокойно и решительно. По одну сторону расщелины стоят люди, отстаивающие свое достоинство, серьезно и свято относящиеся к своей чести; по другую — люди, презирающие честь как «буржуазный предрассудок», воспринимающие и трактующие бесчестие как основу жизни. Два непримиримых противоречия, два мировых лагеря, связанных друг с другом, как «да» и «нет», как жизнь и смерть, как созидание и разрушение. Ибо бесчестный скатывается в пропасть.

Четыре ступени, одна за другой, отмечены ходом бесчестия.

Начинается оно с простенького бесчестного деяния. Им человек еще не обесчещен, но честь его уже подвергнута проверке. Это — время искушения: тут надо сделать выбор — объявить себя сторонником чести, честно осудить свое бесчестное деяние и отвергнуть его; честь восстанавливается уже тем, что ей остаешься верным и рассматриваешь свое подлинное «я» в истинном свете. Проступок может совершить каждый; главное тут — не «случай», а — результат: так человек поднимается к понятию истинной, непоколебимой в дальнейшем чести.

Но он скатится вниз, на вторую ступень, если попытается оправдать совершенное им бесчестное деяние. Для этого ему надо исказить верное чувство чести и превратно истолковать добро во зло. Искаженное чувство будет сопротивляться, пока не будет бесповоротно искалечено или приведено к молчанию. Ложная казуистика заведет его в

чащу ложных выкладок, умозаключений и установок. Таким образом, он сам работает на свое собственное бесчестие и скоро пойдет так далеко, что уже не будет испытывать почтения перед этой святыней и уважения к тому, кто его заслуживает. Равнодушно глотает он тогда мутную воду бесчестия, уже не испытывая к ней отвращения.

Сознательное, принципиально одобренное бесчестие характерно для третьей ступени. Здесь человек уже так привыкает к своему бесчестию, что считает его единственно верным состоянием души и отрицает все остальное. Честь кажется ему вовсе чем-то неважным. Она не нужна, она — глупый «буржуазный предрассудок», как охотно выражаются последовательные марксисты. Чувство чести — лишь помеха в классовой борьбе. Существуют иные побудительные мотивы и положения, перед которыми честь должна напрочь отступить, например, «классовые интересы», «мировая революция» и т.д. Отсюда — обещивающая все и вся «теория» и последовательно бесчестная практика.

Вполне логично скатываешься с третьей ступени на четвертую. Раз честь — вредная помеха, нелепое препятствие, ее надо преодолеть и устранить: необходимо отлучить людей от понятия чести, теоретически и практически научить их бесчестию. Не удивительно, что идеологи бесчестия стремятся разрешить эту задачу бесчестным путем. Неудивительно, что они обращаются не к людям уважаемым, с чувством чести, а скорее к кругам деклассированных элементов общества: к закоренелым каторжникам, профессиональным шулерам, опустившимся. Для бесчестного человек чести — всегда бельмо на глазу: многозначительный, презирующий, живой упрек, счастливый «буржуй», которого сейчас же надо сломить экспроприацией собственности, монополией работодателя, террором, и притом — «во всем мире».

Так начинается процесс бесчестия — с простого, часто случайного нечестного деяния, а кончается «гигантским планом» бесчестия всех людей. Этот план рассчитан на каждого бесчестного, каждого, кто утратил чувство достоинства и самоуважения, кто плюет на святое и на свою добрую репутацию, — он рассчитан на всех подобных, чтобы победило дело бесчестия на земле, чтобы людей доброй чести одолеть, связать и обесчестить.

Зияющая расщелина образовалась в современном мире. Она стремительно расширяется. Она не случайна; она принципиальна; она бездонна. И только наивные могут думать, что им удастся безучастно проскользнуть мимо.

Сегодняшний «христианский мир» стал наполовину христианским. Тем самым он утратил божественный источник истинного достоинства. Удастся ли ему устоять перед всеобщим бесчестием?

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

О несправедливости говорят и пишут с древних времен — возможно, с тех пор, как человечество вообще научилось говорить и писать. Что же она такое, все еще не ясно. Очень непросто прийти к согласию в этом вопросе, поскольку в данном случае спор сводится к практическим результатам в перспективе и никогда не ведется с достаточной долей «незаинтересованности». Каждый хочет, чтобы с ним обошлись «справедливо», и жалуется на «несправедливость»; однако пытается так истолковать справедливость, чтобы сразу же стала очевидной явная несправедливость по отношению к нему. И каждый обладает достаточным самомнением, чтобы судить «справедливо» об отношении к другим людям, и совсем не замечает, что другие возмущаются его мнимой «справедливостью». Так проблема искажается страстями и окутывается предрассудками; целые поколения

застревают в этих предрассудках, и замечаешь порой, как само слово «справедливость» вызывает язвительную улыбку.

Но мы неумолимо стремимся сохранить приверженность старой, благородной идее, которую противопоставляем любой классовой борьбе и любому несправедливому уравнительству; мы также твердо уверены, что ей принадлежит великое будущее. Только как надо понимать ее?

Французская революция научила и передала по наследству человечеству вредный предрассудок, будто люди от рождения или от природы «равны» и вследствие этого с ними надо обходиться «одинаково». Ничто так не препятствует разрешению нашей проблемы, как этот самый предрассудок. Ибо сущность справедливости состоит как раз в неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми.

Если бы люди были действительно равны, жизнь была бы предельно простой, и справедливость было бы чрезвычайно легко найти и ввести в обиход. Стоило бы только сказать: одинаковым людям — одинаковую долю; или — всем всего поровну. Тогда справедливость можно было бы обосновывать арифметически и создавать механически; и все были бы довольны, потому что стали бы ничем иным, как одинаковыми атомами, своего рода механически всюду катящимся шариком внешне и внутренне одинакового душевного склада. Как наивно, как просто, как мелко! Прошло сто пятьдесят лет; думалось, этот плоский материализм давно уже отжил свой век, и вдруг — видишь его проявление во всем мире.

На самом деле люди не равны ни телом, ни душою, ни духом. Они рождаются существами различного пола, с различным здоровьем и силой, с совершенно различными предрасположенностями, дарами, инстинктами и желаниями, они творят неравноценное, принадлежат к различному духовному уровню, и с ними (в силу справедливости!) надо обходиться различно. В этом заключается основа и главная трудность справедливости: людей — бесконечное множество; все они различны; как сделать, чтобы каждый получил согласно своей особливости? Они не одинаковы — значит, и обходиться с ними надо не одинаково; а именно — каждый раз согласно их живому своеобразию. Иначе возникает несправедливость.

Тем самым справедливость вовсе не означает равенства; скорее — неравенство; но применительно к каждому предмету, так сказать — «предметное неравенство». Что-то вроде: беречь ребенка, помогать слабому, снисходить к уставшему, ухаживать за больным; проявлять больше строгости к безвольному, больше доверия честному, больше осторожности к болтуну, с одаренного справедливо взыскивать больше, герою подобают почести. Справедливость поэтому — искусство неравенства и присуща лишь благородным душам. Она проистекает от доброго сердца, живой наблюдательности; у нее обостренное чувство реальности; она отвергает механический метод; она интуитивна и созерцательна; она хочет вчувствоваться, индивидуально подойти к каждому случаю. В ней есть нечто художественное; она старается уловить в человеке его сущее, его своеобразие, и соответственно этому обходиться с ним. Она делает человека деликатным, «социальным», настраивает его на меру, располагает к состраданию. Справедливость родственна такту, чувство ответственности ей ближе всего. И если где-нибудь на свете — возможно в небесах? — есть весы всеобщего уравнительства, верно взвешивающие неравенство, то справедливость стоит у этих весов как строгий и снисходительный страж.

Однако самое важное в жизни — не найденная справедливость, а *всеобщая уверенность*, что ее *искренно хотят и честно ищут*. И если это на самом деле так, тогда

несправедливость переносится легко, ибо ее воспринимают как нечто «преходящее» и сглаживают готовностью к самопожертвованию. Тогда несправедливость перестает быть «опасностью»...

ОТОРВАННОСТЬ ОТ КОРНЕЙ

В современном мире есть большая беда, а именно: оторванность человека от корней. Люди блуждают, носимые ветром судьбы, как блеклые листья, нигде не закрепляясь, ни с чем не срастаясь, нигде не оседая, нигде не становясь верными, как внешне, так и внутренне.

В социальном смысле их называют пролетаризированными; в культурно-политической сфере — не имеющими Родины; в религиозном отношении — неверующими. Не единое ли это явление единого происхождения? Разве земля привязывает одновременно к работе, к природе, к Богу, к семье, народу и Родине?

Два социальных элемента противостоят один другому: связанный с землей, пустивший в нее корни, оседло трудящийся и не связанный с землей, лишенный корней, скитающийся элемент. Никто не может без земли: ведь и не связанному с землей нужна земля, и даже цыган использует ее на свой, пусть худой, манер. Вопрос состоит лишь в том, как правильно заботиться о земле; мы говорим лишь о связи или об отсутствии связи человека с землей, о длительности и надежности ее; Что есть естественное, инстинктивно верное, покровительствующее хозяйству, морально воспитующее, образующее характер, строящее культуру, привязанное к Родине, определяющее национально, закрепляющее в духовном и религиозном смысле? Что делает свободным человека в Боге и что освобождает его для хаоса разрушения?

Не связанный с землей, лишенный корней покидает природу и теряет обязующее и благодатное общение с ней; становится жертвой города и машины; погрязает в болоте слишком человеческого, произвола, разума, пустоты. Связанный с землей остается связанным с природой, породненным с ней, включенным в ее вечный ритм. Он думает реально, чувствует и уважает ее законы, вживается в ее насущные потребности, в ее глубокую мудрость. Живая тайна природы будит в нем живое лицезрение Бога и приводит его к Богу...

Инстинкт не связанного с землей лишен корней и беспризорен: он остается предоставленным собственному эгоизму, живет одним днем, задыхаясь, утопая в заботе и зависимости будней, без прошлого и настоящего, прислушиваясь ко всякому роду мудрствований и утопиям, чуждым инстинкту. Инстинкт связанного с землей имеет свой установленный и оберегаемый круг действий. Его инстинкт самосохранения обусловлен, побуждаем и силен наследственностью. Его хозяйство для него одновременно — святое прошлое, созидательное настоящее и полное надежды будущее...

Не связанный с землей чувствует себя в глубине своего существа как бы «лишенным прав». Скованный неуверенностью, считающий свою мастерскую временной, он и к работе относится почти без интереса: как на чужого, холодно смотрит на него отстраненное и равнодушное окружение. Он не отдается работе сполна, бережет свои силы, он не любит свою работу. А что такое работа, что такое жизнь — без любви?.. Связанный с землей чувствует себя уверенным в своих правах и в отмеренном ему сроке владения частной собственностью. Поэтому он «выкладывает» себя самого, свой труд, свои сбережения: он работает интенсивно, настраивается на качество, стремится создавать

лучшее. Он любит свой клочок земли, любит свою работу, и от любви цветет его предприятие. Фридрих Великий был прав, говоря: «Люди срastaются нутром лишь с тем, что им принадлежит»...

Рабочего на производстве его труд лишь дисциплинирует: его сковывает и механизмирует машина. А связанного с землей органически и нравственно труд воспитывает. Он как бы дышит духом своих предков, учится уважать и любить своих отцов. Его поле учит его работать добросовестно и ответственно; с детских лет он выполняет обязанность, возложенную на него природой, и, став взрослым, он уже имеет привычку созидательно думать о детях и внуках. Земля дает человеку семейный очаг, жилище, учит его заботиться об интимном семейном круге. Из этих здоровых клеток состоит народный организм...

У не связанного с землей отнято счастье этого наследственного, прочного «где». Нигде нет у него родного дома, он всюду «у себя». Это запечатлевается в его душе и сердце. Его характер создается и закаляется в социальных «битвах» и «завоеваниях»; поэтому он слишком часто застывает в судорожном, завистливом «отрицании». Совсем по-иному происходит все у связанного с землей: его характер становится самостоятельным ввиду того, что он работает по собственному побуждению в собственном хозяйстве и наслаждается тем, что сам себе позволяет. Его правовое сознание происходит из частной собственности. Из спокойного собственного бытия, из достойного самоопределения — у него появляется здоровое чувство свободы...

И как часто, ах, как часто лишенный корней теряет живое чувство Отечества: ибо Отечество — это «страна отцов», об образе которой он конкретно слишком мало знает. Напротив, счастлив связанный с землей, который знает, что его участок есть живая часть государственной территории и которому территория его Отечества кажется собственным обширным участком. Он знает, что его народ — огромный живой поток, в котором течет и жизнь его рода. Он дышит вместе со своим народом, и его собственное дыхание гарантирует жизнь его народа...

Не целесообразна ли связанность с землей и не угодна ли она Богу? Не лежит ли в основе всякого «дела» возделывание пашни? Не первая ли культура — земельная? Ведь и вправду, там, где приходит в упадок земельная культура, гибнет всякая материальная и духовная жизнь, прекращается всяческое созидание, и всякая культура оказывается мнимой...

Отрыв от корней — большая опасность в современном мире: потерявшая корни жизнь становится противоестественной; лишенная корней душа — безбожной. Затем наступает развязка: человечество разрушается.

Ибо без Бога человеку не удастся ничто на земле.

УЛЫБКА

Были ли вы когда-либо счастливы без улыбки, без с улыбкой сказанного друг другу «да»? Тем не менее счастливыми нас делает не всякая улыбка...

Стоит лишь вымолвить слово «улыбка», и каждый тут же представляет себе милое, приветливое лицо с несказанным выражением здоровья и доброжелательности. Искра

счастья — для себя и для других. Пусть хотя бы немного облегчения, утешения, а может быть, даже любви... Так бывает порою. Но так бывает далеко не всегда.

Улыбка «играет» не только вокруг рта; она «играет» на всем лице и особенно в глазах, из которых она лучится. Когда улыбается лишь рот, а глаза остаются серьезными или застывают, нам становится как-то неуютно и даже жутко. Когда же улыбаются одни глаза, то мы нередко наслаждаемся скрытым, сдерживаемым юмором. Но мертвые, с закрытыми глазами, улыбаются лишь чуть-чуть — выражая общее для них блаженное успокоение.

Поэтому улыбка не так уж и проста и не всегда говорит о счастье. Существуют, можно сказать, бесчисленные разновидности улыбки. Стоит только, например, принять во внимание, что преобладает в улыбке — *собственное здоровье* или *доброжелательность к другому*. Здоровье переносит акцент на дражайшее «я» улыбающегося: он подразумевает самого себя, дела у него идут хорошо, чувствует он себя уютно. Доброжелательность, напротив, переносит акцент на отношение к другому; тогда улыбка подразумевает «тебя», ближнего.

«Я — улыбка» чаще всего самодовольна, отвергающая, бессердечна и несимпатична. Она может совершенно по-детски, наивно означать: «я здоров и наслаждаюсь, что мне до других?» Или самодовольно: «все во мне и на мне превосходно». Или, более того, заносчиво и высокомерно: «чего стоят остальные по сравнению с моим совершенством?» Далее улыбка может стать даже насмешливой и язвительной: «что, кто-то осмеливается сравнивать себя со мной?» Или — презрительной: «и вы тут, низменные создания?»; разочарованной, обиженной и т. д. И когда эта обиженная, презрительная ирония обращается против «верхов», она становится саркастичной и богохульной: «эти там, наверху», или «тот там, на небесах». Пропитанная затаенной злобой, рассеивая черные лучи ненависти, зависти, неутоленного чувства мести, улыбка становится inferнальной и сатанинской — судорожная гримаса неудавшегося самообожествления... Так самоутверждающееся «хорошее здоровье», не связанное с сердечной доброжелательностью, из-за примитивного эгоизма скатывается в ад, чтобы улыбаться еще и из ада...

«Улыбка тебе», напротив, улыбка сердечной симпатии во всех своих оттенках, от наивно-чувственного желания до навеянной потусторонним миром жертвенной, духовной любви, улыбающейся из дали неверному возлюбленному на счастье. Бывает улыбка целомудренной скромности: «Я — цветок в саду» и улыбка бесстыдной навязчивости. Бывает улыбка дразнящего кокетства и улыбка святой тайны; улыбка вопроса, изнемогающей тоски, пробудившейся ревности, прощения, утешения, благодарности. Бывает улыбка блаженного просветления и улыбка счастливой матери. Бывают случаи, когда уродливое лицо спасает улыбка и когда самое прекрасное лицо она искажает и компрометирует. В целом — неисчерпаемое богатство выражения.

Но истинная улыбка всегда вызвана вполне конкретными условиями. Улыбка — это выражение, продиктованное чувством «да», и это «да» должно светиться полно, живо и искренно. Неискренняя улыбка — всегда фальшива и отвратительна: она отравлена изнутри и обессилена отрицанием «нет». Настоящая улыбка, однако, должна быть полноценной — внешне, светясь на лице, и внутри — лучась от души. Ясность и искренность образует ее душевное благоухание. Человек в своей улыбке должен быть весь на виду, подобно ребенку, вести себя чистосердечно и свободно. Только тогда он предстает как «дитя сердца» и его улыбка действует чарующе. Легкая, светлая нить

протягивается тогда от человека к человеку; сразу возникает взаимное расположение душ, а по мере того как улыбка становится все сердечнее и ласковее — дружба и любовь.

Такая улыбка может и вправду стать орудием Бога на земле.

ЛЕГКОМЫСЛИЕ

Не дар ли оно богов, которые порою сочувствуют нашей тоске? Или оно лишь случайный сквозняк в нашей чердачной каморке? Безобидный и радостный порыв в танце жизни или чреватая последствиями ветреность неполноценного человека? Цветение невинности или дорога в вину? Возможно — все вместе?

Легкомыслие — род свободы, получаемой путем душевного стряхивания приобретенного бремени; свободы, достигнутой не силой, покорением и властью, а скорее — отсутствием проблем. Задачи не разрешаются, но делается вид, будто их вообще не существует. Легкомысленный убегает в свободу, он закрывает глаза и грезит, что он свободен. От чего?

Во-первых, от прошлого и от будущего. Пусть исследователь копается в прошлом и сидит над своими раскопками. Пусть беспокойный мечтатель утомляет свое зоркое око на пустом будущем. Оба «ищут», потому что у них «этого нет». У легкомыслия «это есть». Что? Мгновение. Он живет в настоящем, а настоящее — лишь мгновение: краткое «сейчас» в маленьком (редко — большом) «здесь». Это мгновение так же быстро исчезает, как и возникает; так же кратко пребывает в нем и легкомыслие, не ломая себе голову над «почему» прошлого или «куда» будущего. Легкомыслие забывает прошедшее и весьма близоруко по отношению к приходящему. Оно сжигает нить жизни и горит само вместе с ней — дитя легкокрылого времени.

Потом ему грезится, что он свободен и от ответственности. Ответственность — бремя. Бремя унаследованного прошлого, которое надо достойно нести и творчески передать будущему. Но тот, кто живет настоящим, ничего об этом не ведает. Кто ныряет в мгновение и в каждом мгновении находит «жемчужину», тот не спрашивает ни о чем и не дает ответа. За что может отвечать бабочка-однодневка? Ведь удовольствие и забава беззаботны и живут без оглядки. Поэтому легкомыслие не умеет и действовать: оно отдается своим «настроениям». Оно не знает, что значит деяние; оно знает лишь «состояние»; и жизнь несет или влачит его из одного состояния в другое. Так легкомыслие предстает дитятей легко порхающей беззаботности.

Легкомыслие свободно и от высочайшего смысла жизни. Явление внешнего мира и события мира внутреннего не «предвещают» ему ничего более глубокого, таинственного и святого. Раздумывать о смыслах и символах бытия оно предоставляет философам. Факты для него — просты и безобидны; они во множестве проносятся мимо него; они не вызывают ничего иного, кроме любопытства; они не приносят ему ничего более, кроме развлечения; и если они не обещают ему никакого, пусть мимолетного, наслаждения — оно хочет знать о них как можно меньше. Потому что легкомыслие — дитя простодушной радости и не хочет грустить.

Таково легкомыслие. Оно живет без раздумий и, пытаясь быть счастливым, не считается ни с чем. Оно не любит связей и избегает трудностей. Оно не любит стараний; не его дело строить; оно не склонно к выдумке. Оно как дитя: ему трудно и скучно делать выводы и принимать решения. Особенно сильно оно не любит, когда его хулят и

осуждают, оно находит это «нелюбезным» или даже «бестактным». Здесь оно умеет и нападать. Тогда оно засыпает нас издевательски-дразнящими вопросами: «Всегда ли трудное верно? Всегда ли глубокое ясно? Всегда ли прав мечтатель? Всегда ли старание неподдельно?»... И тут уже приходится думать, как нам защититься.

Если легкомыслие дается нам как дар богов, которые опять же сочувствуют нашим жизненным тягостям, нашей тоске и нашим вечно бесплодным мечтаниям, тогда надо принять его радостно, как весенний воздух. Оно принесет успокоение, отдых и покой, оно оживит, укрепит и исцелит нас. Тогда оно цветет невинностью и дарит нам в жизни радостное воодушевление. Отвергнуть его могут лишь педант и ханжа. Хорошо и необходимо время от времени стряхивать душевные тягости; делать вид, будто их вовсе и не было; убегать в раскрепощающее безналичие проблем, в привидевшуюся свободу. А кто не может или не хочет этого, пусть постарается хотя бы не сорваться.

Тому, однако, кто легкомыслен; кто никогда не нес бремени прошлого и будущего; кто вообще не знает ничего об ответственности и легкомысленно лишь служит легкомыслию, тому и стараться долго не надо, так как он уходит в вину и крах его произойдет в ночи.

СЛОВООХОТЛИВЫЙ

Существуют люди двух типов: один замолкает, когда вдоволь наговорится; другой начинает говорить, когда вдоволь намолчится. Послушаем сначала словоохотливого.

Каждый человек цветет по-своему; словоохотливый цветет лишь тогда, когда получает слово. Тут он находит себя, благоухает на все четыре стороны, парит в своей стихии. Напрасным делом, несправедливостью было бы препятствовать ему в этом благоухании и парении. Это — внутренний порыв, который ведет его; это — неосознанная необходимость, которой он подчиняется, — раскрыться, позволить бить фонтану, исчерпать себя в словах. У него своеобразное ощущение, что он постоянно переполнен; чем? — этого он сам не знает, как не знает и того, откуда течет поток его «мысли» и как он возникает. Но всегда есть запруда. Он должен открыть шлюзы, иначе произойдет наводнение. Порою создается впечатление, что он распространяется о чем-то, что он не в состоянии высказать и что ускользает от него самого: всегда слишком многословно, потому как не то, что надо; всегда мимо цели; отсюда эта вечная жажда слов. Знал бы он сам, где сидит у него гнойная заноза...

Речь для него не поступок, тем более не действие; скорее состояние: так падает снег, так сыплется песок... Разговор становится его главным душевным двигателем. Рот — главным жизненным органом: думать, чувствовать, желать он может только тогда, когда говорит. Поэтому его ощущения — не более чем слова об ощущениях; его мысли — лишь движения губ; он даже не замечает, как шарахается от исходной «точки зрения» к противоположной. Как часто он дает себя «убедить» только для того, чтобы беспрепятственно говорить далее. Что такое «слово», он не знает вообще, поскольку слова извергаются из него, подобно толпе празднующих гостей или подобно великому переселению народов. Он — великий расточитель; но расточает только слова, в которые вкладывает ужасающе мало одухотворенного смысла. Он подобен мельнице без зернохранилища; или трескучему фейерверку, оставляющему после себя неприятный запах и грязь.

Молчание для словоохотливого неприятно, чаще невыносимо. Нередко создается впечатление, что он страшится тишины, не выносит одиночества; или, что, оставаясь один, разговаривает сам с собою. В обществе он говорит, как если бы был один. Он злится на желающего говорить одновременно с ним: это его соперник. Прерывающего он презирает как нарушителя покоя. Ему нужен молчаливый или, точнее, его уши. Паузы в беседе он ощущает как нечто неприятное, как брешь в общении; и никогда не может постичь того, что полные значения, насыщенные содержанием паузы могут дать человеческому общению отраду и благодать.

То, что он сказал, никогда не надо принимать всерьез: это лишь капли осеннего дождя, за которыми не последует ни грома, ни солнечных лучей; это словесная трескотня; разрядка без заряда; изливание «переполненной» пустоты. Если он что-то обещает, то столько, что кажется, будто он оговорился. Его слова как чек без покрытия денежной массой. И то, что словесный чек требует точно так же духовного покрытия, совсем не приходит ему в голову.

Как мало он знает о нас, его друзьях! Как мало склонен к «познанию людей» вообще! И когда он, полностью «выговорившись», однажды уйдет, с каким удовольствием мы беремся за удочку, чтобы насладиться молчаливостью маленьких рыб в глубоком озере, чтобы отдохнуть от его суеты...

МОЛЧАЛИВЫЙ

А теперь послушаем молчаливого. Он ведь тоже говорит, и его речь достойна особого внимания, поскольку молчание исцеляет слово.

Да, у слова свои болезни, и наиболее опасная в том, что слово, легкое как пух, случайно рожденное, ничем не сдерживаемое, ничем не связанное, ослепительное и забавное, обманчивое и ненадежное, бесчинствует среди людей. Такие слова пусты и мертвы; им несвойственно истинное значение; ни одно сердце они не заставят забиться; никакого действия они не вызовут; в целом — это духовный ублюдок, смутное призрачное существование. Религия, искусство, наука, политика — все вырождается, когда смерч духовного разложения поднимает в огромном множестве такие слова. Тогда хочется прямо-таки взывать к спасению и требовать: пусть говорит только тот, кто умеет и молчать. Потому что молчание исцеляет слово...

Он внемлет и молчит. Часто создается впечатление, что слова, которые он слышит, разбиваются об него или всецело в нем исчезают. Однако они не пропадают, а спускаются на дно. В душе молчаливого есть внутренние пространства, значение которых он сам едва ли сознает; тихие покои, куда он помещает свои сокровища; надежные тайники, где ничто не пропадает бесследно; таинственные колбы, где медленно бродит, оседает и отстаивается в тиши вино мысли. Этот процесс он не пытается искусственно ускорить; это было бы для него неприятно, возможно, болезненно. Это должно происходить само по себе; и так оно действительно происходит. Из сердца исходят лучи света: они должны пронизать каждую колбу и прокалить ее. Мысль должна сформироваться, стать образной; это требует воображения и фантазии. Тогда пробуждается и поднимается из глубин воля: мысль требует выхода. Тысячи нитей заявляют о себе из других покоев и тайников; стараются прикрепиться; пытаются создать творческую ткань. Здесь нельзя мешать, прерывать, спешить; Боже упаси — подстегивать!

Если мысль должна действительно родиться, она должна зреть в тишине, пока не потребует слова. Греческие философы знали различие между словом «изреченным» (т. е. произнесенным) и «существующим внутри». Последнее не имеет ни звука, ни формы. Это скорее внутренний, духовный заряд. Оно дремлет под сводами душевного царства теней; но оно пробудится. Это уже мысль, но еще не слово; но оно станет словом, оставаясь мыслью сердца, воплощением чувств, идеей воли. Тогда и только тогда оно станет истинным словом, которое приходит в мир как реальность внутреннего: лишь высказанное, но уже деяние; подобно дитю рожденное, но уже созревшее; простое, но насыщенное смыслом настолько, что может стать роковым; не существующее само по себе, но проявляющее невидимую, возможно, божественную власть.

И когда молчаливому, который говорит подобные слова, сердечно внимают, порою возникает впечатление, что в душе его заключен тигель, в котором переплавляются в жидкий огонь, поднимаются вверх, падают в жизнь раскаленными каплями все восприятия мира, все мысли и слова человечества. Поэтому такие слова светят и зажигают; поэтому они так весомы; поэтому каждый раз они сами по себе событие; поэтому их так долго и с благоговением повторяют.

На свете есть творческое молчание, святая тишина, в которой рождается истинное слово; божественная наполненность, которая бесшумно ведет себя вовне; обращенное в себя созерцание, в котором возникают слова, подобные деянию, и деяния без слов. В таком молчании мы дадим нашим словам исцелиться...

ХИТРЕЦ

Все люди хитры, за исключением, может быть, душ наивно-чистосердечных и детски-невинных. Наша хитрость происходит из инстинкта, из чувства самосохранения и от сознания, что очень немногие действительно хорошо к нам расположены; а иные, большинство... кто знает, как они относятся к нам? Подобно пугливой птице, подобно робкой серне, ходит человек по лесным дебрям жизни и остерегается, не хочет подвергать себя опасностям; он оглядывается вокруг, скрывает свои намерения, готов спрятаться от возможных врагов или направить их по ложному пути. Это простой социологический факт, и только в раю, возможно, будет иначе.

И тем не менее не каждого из нас можно назвать хитрецом; да и саму хитрость не следует так уж переоценивать.

Хитрец не тот, кто постоянно настороже и прибегает несколько чаще к хитрости, чем остальные; а скорее тот, кто возлюбил хитрость, кто наслаждается своими уловками и проделками, кто верит в «жизнетворную власть» хитрости и принимает ее за «мудрость». Он презирает открытых сердцем и прямых, считая их всех простофилями. Он питает отвращение к прямым путям, яркому свету солнца, ко всякому смелому утверждению или отрицанию. Все это представляется ему «глупым»; а «умный» лишь он один — большой хитрец.

В действительности же все не так. Умный тоже может быть хитрым; однако хитрость отнюдь не является субстанцией разума. Напротив: когда истинно умный человек прибегает к хитрости — а это бывает, — у него нередко возникает чувство, что он

деградирует, действует мелочно, малодушно, возможно, даже «низко» и изменяет истинному пути. Он делает это крайне неохотно, в исключительных случаях; и всегда готов признать, что «хитрость есть не что иное, как замена ума у маленьких и глупых людей».

Безусловно, хитрец никогда не признается в этом. Ведь он не «теоретик», занимающийся «общими» и «принципиальными» вопросами; это он предоставляет «доктринерам», «филистерам» или, по пренебрежительному определению Наполеона, «идеологам». «Настоящий мужчина» в противоположность этому — «практик». «Владеть методом познания» — для него слишком высоко и скучно; он желает завоевывать и господствовать, не изучая и не познавая. Он хочет вообще выгоды, успеха в жизни, прибыли; и в его интересы не входит различать между «плохими» и «хорошими» средствами; для этого у него также нет времени. «Хорошо» для него то, что целесообразно; а целесообразными ему представляются окольные пути и притоны. Его устраивают сумерки, когда трудно отличить волка от собаки. Ему удобны переулки; охотно приемлет он и черные ходы. Когда он говорит, то никогда не смотрит в глаза собеседнику; если обещает, значит, уже нашел «умный» выход. И там, где никто не может сориентироваться, он уж точно что-то намудрит, что-то придумает.

О «деле» он знает мало; о деловитости говорит только с иронией. Главное для него — сделка, и не в одной торговле, что совершенно естественно, а вообще в жизни: он не «усердный», а просто «карьерист». Собственные идеи и убеждения он не воспринимает слишком серьезно: он всегда может иметь и другие. Прекрасных и величественных слов Лютера: «На том стою и не могу иначе»²⁶ ему никогда не постичь. Он всегда «может» «иначе»; а внезапно — еще и «совсем иначе». При этом он не думает о предательстве: он предает, не подумав о предательстве. Поток его жизни растекается сотнями маленьких ручейков над тысячами камешков. И чем старше становится он, тем пронырливее и лукавее становится его душа.

Там, где властвует такой муж, вся жизнь представляет собой мастерское, но ложное сплетение корысти. Тут совесть молчит; тут стоят большие часы «государственного разума»; не процветают великие идеи; не используются широкие пути. И Божественное исчезает из жизни, потому что там, где так много хитрости и коварства, царит *иная стихия*...

УМНЫЙ

Если кто-то действительно умен, другие замечают это очень скоро и сходятся на том, что он «умен», даже весьма «умен». Но если задать вопрос: «Что значит умный? Как это распознать?» — никто не знает. «Умный и есть умный, можно также сказать: толковый, понятливый, интеллигентный, что еще?» Удовлетворяясь такими «родственными по смыслу» словами, которые, собственно, и не являются таковыми, переадресуют этот вопрос мыслителям по профессии: пусть помучаются с этой проблемой, если у них есть время и охота. Но в действительности мука эта не так уж велика, стоит только понаблюдать и подумать. И прежде всего над тем, что не является умом.

Не следует смешивать ум и образованность. У умного может не быть образования: так, умный крестьянин, самобытный, некультурный, мало знающий, но смысленный, остро и, вероятно, глубоко думающий, возвышается, подобно горе, над уровнем обывателя, и образованным людям есть чему у него поучиться. И наоборот: ни диплом, ни ученая

степень, ни энциклопедическая память не являются порукой ума человека. Так думал и древний Гераклит: «Многознание уму не научает»²⁷.

Существует также предрассудок, что умный «быстро соображает». Конечно, есть умные люди, которые мгновенно все обдумывают; но есть такие умные и глубокомысленные люди, которые соображают медленно, с опозданием; и как часто завязтый остряк, который, казалось бы, «хватает все на лету», не более чем легкомысленный недалекий тупица.

Совсем неосторожно было бы также употреблять «понятливый» вместо «умный». Разумеется, тупого невежду (этого «не могу знать» по призванию) едва ли можно причислить к умным. Однако способность понимать чужие мысли, т. е. способность пассивного восприятия — это в общем-то немного. Людей, не имеющих «собственных мыслей», Аристотель считал «рабами по природе»²⁸, пригодными лишь к послушанию.

И, наконец, что не следует переоценивать, так это так называемую последовательность мышления. Прямолинейная последовательность может импонировать, увлечь и прельстить; но не следует забывать, что такой образ мышления подобен падающему камню, что он задействован пассивной силой тяжести, что это наиболее легкий вид мышления и особенно присущ людям полуобразованным. Первичный заряд мышления задан, и нужно лишь решительно использовать его. Общий закон установлен, и надо только подводить его к различным конкретным случаям. «Движение» мысли здесь обманчиво: на самом деле происходит топтание на месте. И тем самым «дедукция» является образом мыслей ограниченности.

И все же — что такое разум? Как думает умный?

Он думает творчески. Разум есть созидательная энергия, энергия понимания. В разуме заключен особый порыв: порыв — овладеть методом понимания. Мышление умного в известной мере поглощает прочие духовные силы. Часто умный человек производит впечатление «безвольного»; это впечатление обманчиво: его воля раскрывается именно в мысли, в этом его сила. Умный человек также не «холоден»: это его страсть думает в нем. В мышлении расцветает и его воображение. Мышление постепенно становится главным органом его жизни: оно становится воинственным, пылающим, победительным, завоевательным. Его мышление — это власть; то, что он продумал и понял, он подчинил себе, творчески обработал и включил в свое «царство». Он добился своего и отправляется к новым завоеваниям. Эту власть понимания чувствуют, в нем и другие и подчиняются ему. Часто даже создается впечатление, что сами предметы чувствуют эту силу и легко и охотно предаются ему...

Таков истинный мыслитель: умница по преимуществу, призванный овладеть широким полем земной деятельности или небесных идей.

Разум, таким образом, — это творческая прозорливость в восприятии и творческая сила оценки в единстве, разъединении и упорядочении воспринимаемого. Он предполагает способность к концентрации и силу интуиции. В его власти охватить сущность всего и целесообразно оформить его. Поэтому разум не сводится к «мышлению». Умный — это умный человек в целом: у него также умное сердце, умная воля, умная фантазия. Только тогда он умен: только тогда дышит в нем *сущность мира*, только тогда его разум становится мудростью.

ОДИНОЧЕСТВО

На дитя человеческое, приходящее в этот мир, негласно возлагается тяжкое испытание. Никто ничего не говорит ему об этом; он должен сам пережить ситуацию, осмыслить ее и справиться с нею. Часто проходит слишком много времени, пока это произойдет; часто понимание приходит слишком поздно, и тогда человек становится беспомощным и потерянным.

Задача гласит: по своему основополагающему принципу существования ты, как все люди, одинок в мире; ты должен понять это одиночество, принять его, подружиться с ним и духовно преодолеть его; оно ведь останется с тобою до конца дней твоих, но твой характер обретет благодаря ему силу, достоинство и доброту.

Одиноким приходит человек в эту жизнь с первым вырвавшимся криком страдания, требующим глотка воздуха; одиноким покидает он этот мир с последним вздохом, стараясь произнести слово. Как много порою делается для него вокруг; а он так и остается отшельником, заключенным в камеру своего тела. Того, что он за всю свою жизнь в этой камере ощущает, воспринимает, чувствует, чего жаждет, о чем думает — никто не сможет пережить так, как он; все, что он в своем одиночестве избирает, решает, исполняет, жертвенно осуществляет, переживает и выносит в бессоннице, в болезни, в заботах, в неудаче, в отчаянии — знает он один. Всякое значительное событие в жизни, от первой любви до смерти своих родителей, всякое важное решение, всякая возлагаемая на него ответственность, всякая великая боль и скорбь — дают ему ощутить свое одиночество. Лишь очень немногим пришлось пережить предельное одиночество в величайшей нужде — в бушующем море, в безмолвных горах, в забвении вчерашнего поля боя, в тюремной камере, — чтобы постичь свое душевное и духовное одиночество.

Это пожизненное одиночество — тяжкое бремя. Но оно одновременно и великое благо.

Когда человек осознает свое одиночество, он вопрошает: «Кто поможет мне?» И ответ гласит: «Я сам должен помочь себе»... И заложен первый камень характера. А еще ответ гласит: «Господь в небесах поможет мне тем вернее, чем преданнее ему буду я»... И заложен основополагающий камень живой веры. В одиночестве человек находит самого себя, силу своего характера и святой источник жизни.

Когда же человек постигает чужое одиночество, а именно то, что каждый существует, замкнувшись в себе, и пока не постиг бремена и благо одиночества, это — сострадание и любовь, которые овладевают им: сострадание к слабому, любовь к сильному. Тогда он говорит: «Я помогу им! Братья, я помогу вам — поскольку вы одиноки, а я знаю тягость и выкрутасы одиночества». Сам находясь в одиночестве, человек находит своего одиноко страдающего брата и помогает ему. И как раз тут — зарождение духовной любви, братства и истинного единения чувств.

Нам не дано избавиться от одиночества. Но все мы призваны достойно и с верою каждый нести свое одиночество; и, любя и помогая, делать чужое одиночество сносным, достойным и духовным.

В этом — утешение. Так и только так сможем мы преодолеть одиночество, мы, одинокие дети человеческие, взирая ввысь и с любовью помогая друг другу.

ПОДАРОК

Как легко ее развезть, хрупкую душу подарка! Какой безжизненной, какой пустой покажется нам тогда подаренная вещь! Как неосторожно, как "беспонятливо вел себя дарящий! Как неуютно становится получающему подарок! Дарить — это искусство; и дар имеет скрытый смысл и говорит на тайном языке. Чего хочет дарящий? Он стучится в дверь, можно ли войти. Он стучится в дверь любви. Потому что хочет сказать что-то о любви. Возможно, спросить, можно ли ему любить. Возможно, сообщить, что он уже любит; или что он будет любить вечно. Может быть, он хочет просить о любви; или ответить любовью на любовь. Если он ничего не знает обо всем этом, он лишь злоупотребляет символом подарка; и его поступок покажется неестественным и плоским. Почему? Потому что духовный аромат жизни не выносит холодного неискреннего сердца.

А получающий подарок, каково ему? Ему ведь нельзя отказать от подарка, это было бы оскорблением. Однако иногда все же приходится это делать: бывают ложные подарки, которыми хотят подкупить или скомпрометировать; бывают высокомерные подарки, которые выступают символом завоевания и власти; бывают подарки оскорбительные, унижающие, вызывающие («ты — мой»). Кто принимает эти дары, приносимые с недобрыми намерениями, тот лицемерит с самим собою, тот наносит урон собственному достоинству и участвует в фальшивом замысле злого дарителя. Иногда дарят, чтобы показать, что любви конец или чтобы не любили: последняя обида исчезнувшей любви, которую только и можно принять как обиду, не как подарок.

Не безразлично и то, кто, что и кому дарит. Если хочешь подарить «наверняка», то твой подарок должен верно выразить твою любовь. Что ты любишь в любимом? Его душу, его творчество, его работу, его отдых, его красоту, его здоровье? Каким ты любишь его более всего — когда он молится, музицирует, читает или когда он болтает, играет в шахматы, может быть, когда он курит?.. Что бы тебе хотелось сказать охотнее всего любимому без слов? Спросить его? Помочь ему? Отучить от чего-то? Утешить? Ободрить? Связать? Освободить?

Твой подарок должен сам говорить за тебя. Он должен принять в себя твою тайну и незаметно раскрыть ее.

И что бы это ни было, пусть это станет символом живой любви!

Поэтому подарки делают к Рождеству, в день, когда в мир пришла живая любовь.

ОПОЗДАНИЕ

«Ах, это время — никогда с ним не справиться! Оно выкидывает с нами скверные шутки. Оно непредсказуемо: то его в избытке, то опять страшно в обрез. И не знаешь, как это происходит, но порою становится так поздно, так поздно, что все упускаешь. Будто застреваешь во всем; или будто ноги становятся свинцовыми, как во сне; или будто все сговорилось против нас. И тогда видишь везде кислые, раздраженные лица!»...

Так жалуется на свои горести бедолага, не научившийся искусству управлять временем.

Не будем слишком строги! Каждый из нас может случайно опоздать. Как это ни неприятно — хороший тон и такт требует не попрекать виноватого провинностью: помолчать, простить, дружески улыбнуться. А если он сам смущен и вдобавок чувствует себя несчастным из-за своего опоздания, ему нужно помочь. И тогда виноватый благодарно наслаждается своим «оправданием», а партнер — своим мягкосердечным благоразумием. А иногда непоправимое, что стоит за любым опозданием, умный умеет просто «списать», и не фиксировать это постоянно.

Если же опаздывает уже известный этим грешник, тогда лучше не ждать его, а с элегантно непреклонностью оставить наедине с досадными для него же последствиями его образа действий. Лишь таким способом можно воспитать его, чтобы он преодолел свою медлительность и отрекся от скрытого удовольствия опаздывать.

Возможно, звучит парадоксально, однако факт: существует тайное удовольствие от опоздания. Это удовольствие пассивной приверженности к внешним обстоятельствам жизни: предаешься волнам случая и, как лягушка в пруду, наслаждаешься своим безволием. Это удовольствие намертво спешки и гонки, вид компенсирующей судороги воли со всеми ощущениями азартной игры. То есть это не время, которое то «тянется», то «мчится», а сам опаздывающий. Это он, у которого запас времени то в избытке — и тогда оно тратится попусту, то, напротив, в обрез — и тогда вызывает гонку. Мнимый «заговор обстоятельств» сидит в нем самом.

Нет, время не играет с ним никаких шуток. Его ход прекрасно устроен: соразмерно, спокойно, легко. Свободно и благосклонно оно раскрывает нам свое пространство и длительность. Мы должны лишь правильно заполнить его. Не давать ему протекать впустую. Иначе наступит скука. Не расточать! Иначе наступит гонка. Не заполнять сверх меры! Иначе мы обречены на опоздание.

ПРАВО НА ГЛУПОСТЬ

«Что же касается глупости, то она действительно нечто нестерпимое: она ведет себя мелко, близоруко, самоуверенно, претенциозно; она воздействует вредно, зачастую просто опустошающе. И такое выносить — из мнимой терпимости? Почему? Для чего? Такая терпимость сама не что иное, как разновидность глупости. Убрать ее! Выполоть, искоренить, растоптать! А вы, господин профессор, конечно, молчите и стоите на стороне глупости?»

«Ах, нет, господин директор, это не так, защищать глупость вовсе не в моей компетенции. Но мы, кто действительно в силу своей профессии борется с глупостью, мы знаем точно, как запутан этот вопрос. Поскольку Вы причисляете к глупым преступников, предателей, растлителей, мошенников, коммунистов и других социальных вредителей, совершающих злодеяния против закона человеческой общности, я, конечно, буду рекомендовать борьбу. Каждый из них требует особого подхода. Впрочем, искоренение их дело не простое: эти дураки часто весьма продувные ребята. Но учтите: здесь, собственно, и начинается проблема»...

«То есть как это начинается? Глупость надо изгнать вообще!»...

«Да, но куда же? Она пребывает в каждом заурядном человеке. Куда мы его денем? Вам наверняка удастся заменить два-три глупых мнения более умными; при этом исчезнут симптомы болезни, но болезнь останется. Что есть глупость? Она есть тупая интуиция и

слабые умственные способности; как можно их искоренить? Вы пробовали когда-нибудь одолжить свою замечательную память забывчивому? Свою волю — слабовольному? Свое чувство ответственности — легкомысленному? Нельзя же заменить другого в жизни, умно размышлять за него, умно поступать за него, умно любить на его месте, умно жениться, умно устроиться?»... «Но — наставлять его?»

«Правильно — будешь наставлять его, дурака, не задевая при этом бремя его глупости и тем самым обеспечивая ему право на глупость²⁹... Даже умные суждения, которые Вы хотите ему преподать, он наверняка обдумает и истолкует в своем глупом смысле и, вероятно, исказит на свой глупый манер; а в следующий миг создаст новое глупое суждение в другой области. Кто станет и кто захочет бегать за ним? Кто сможет ему помешать, когда он по-дурацки вложит свои сбережения, когда он по-дурацки снимет жилище, когда он по-дурацки оденется и вечером, отходя ко сну, будет бормотать под нос свои дурацкие суждения? Глупость остается — ее не выполоть, не искоренить. Ее надо терпеть, пока она касается личной жизни дурака. Ведь у умного есть дела поважнее, нежели опекать дурака на каждом шагу. И здесь начинается второе осложнение».

«Да, если осложнения накапливаются до такой степени?!»...

«Вы, конечно, согласитесь со мной, господин директор, что каждый из нас совершает глупость, если в своих суждениях выходит за рамки умственных способностей. Кто из нас не делал в жизни глупостей и не терпел дурацкого краха? И что же, мы взялись тут же искоренять, растаптывать нашу собственную глупость? Ничего подобного! В абсолютной глупости дремал мудрый совет, который пришел к нам задним числом. Да, дела на свете обстоят не так, будто глупость сосредоточена в отдельных особях, которые нужно растоптать, а остальные бегают умненькими. Каждый в отдельности — одновременно глуп и умен; всегда относителен и неустойчив. И научение, истинное научение дается страданиями из-за собственных ошибок. Никто не становится умным, не пострадав; никого не научишь на чужом опыте. Мы обязаны всегда предостеречь, но не должны ожидать от этого многого. Терпимость есть лишь сочувствующая доброта умного, который сам поднялся над глупостью; и не забыл этого... Право на глупость — это как раз право на то, чтобы потом сделаться умным. Не так ли?»

ПОРИЦАНИЕ

Кто бы ты ни был, готовься: упрек доберется и до тебя! Устоять перед ним — сила характера; творчески использовать его — искусство жить.

Ясно, что нам бывает не легко его вынести. «Я хотел как лучше, преодолел все трудности, сделал все, что в моих силах, а теперь мне говорят: плохо! Эти брызги! Они меня унижают. Они парализуют мой жизненный взлет! Они сдерживают мои творческие силы. Они хоронят мою уверенность в себе. Мне что — отчаяться и отказаться? Или — как мне стряхнуть позорную тягость этого порицания?»

В такие моменты появляется искушение изменить тактику и повергнуть самого порицающего. Примерно так: «Кто вы, наносящие мне оскорбление? Откуда у вас права контролировать и порицать меня? Вы же сами негодные люди! Ваша критика завистлива и бесчестна. Все ваши претензии возникают просто из нездоровой придирчивости. Это же

совершенно несерьезные и несведущие критики; это критиканы, зложелательные брюзги, и их придирки к каждому слову не что иное, как презренная интрига»...

Никогда не идите этим путем — в пустоту и злобную мелочность! Никогда не унижайтесь до этого! Бесчисленные завистники, придиры и привередники бегают вокруг и изливают желчь; и кто не устоит перед этой желчью, тот начинает им подражать.

Тот же, кто начинает созидать, пусть запасется сначала доброю волею. Кто искренне хочет добра, того не сможет сбить с ног или хотя бы выбить из колеи никакая придиричивость, никакое критиканство. То, чего я действительно хотел, знаю лишь я один и Господь надо мною; то, что мне удалось, пусть критикуют. Но тогда уже не станет критики, которая отняла бы у меня мое доверие к себе, мой жизненный полет, чтобы я отчаялся и отказался.

Чтобы еще более усилить это спокойное равновесие, рекомендуется рвать духовную пуповину, связывающую меня с моим трудом, но не ранее, чем труд окончательно завершится; и тогда, после завершения его, радикально отсечь ее: не задерживаясь более на нем, удалиться, чтобы этот труд, как нечто законченное и преодоленное, воспринимался через мое прошлое, о котором сужу я сам как господин и мастер, «ибо теперь — я смог бы сделать его лучше». Тогда меня уже не представляют как автора таких-то трудов, и я уже неуязвим; совершенно независимо я спорю как критик с другими критиками о моей работе: они уже задевают не меня, а лишь мою тень, лишь мое прошлое, в то время как я сам живу уже в будущем, в моих новых замыслах.

Великодушно и свободно встречаю я тогда моих критиков и критиканов; у меня нет потребности унижать их. Деловито и спокойно я выслушиваю их мнения, они могут как угодно хулить и порицать мой труд. Они служат мне и помогают мне. Если они правы, я проанализирую свою работу и свой творческий акт, попытаюсь установить, почему эти недостатки и ошибки ускользнули от меня, ибо я хотел совершенства. Таким образом, я учусь скромности и смирению, ибо я понимаю, что даже мои «лучшие намерения» не спасают меня от несовершенства. Если критики не правы, я учусь на их неверном взгляде, на их плоских суждениях, на их извращенном вкусе...

Только не обижаться! Оставаться спокойным! Спокойствие дает свободу взгляда; свобода взгляда ведет к объективности. А в ком есть вкус к объективности и кто служит ей — в том есть нечто королевское: он подобен «калифу инкогнито». Да, инкогнито: ибо другим совсем не положено этого знать...

ИСКУССТВО ПОХВАЛЫ

Самое легкое — порицание; а именно: необъективное, страстное, безмерное порицание. Самое трудное — похвала; а именно: объективная похвала. Для этого человеку требуется подлинное искусство. Но не для того вовсе, чтобы говорить комплименты или тем более льстить (это было бы само по себе умение!), а для честной, искренней и объективной похвалы, которую так редко услышишь в жизни и которой так сильно недостает.

Чтобы хвалить объективно, человек фактически должен научиться дышать в стихии объективности. Он должен хорошо знать, что речь идет не о субъективной «любезности», личном «удовольствии» или собственном «наслаждении», а о реальном качестве деяния, стихотворения, сонаты и т. д. Мир полон случаев, когда добротное-совершенное людям «не по вкусу», а дурное и мелкое пользуется «большим успехом». И вот объективная похвала говорит не о субъективном «удовлетворении» или «удовольствии», а о действительно добром отношении. Совсем не похоже на: «Ах, это доставило мне большое удовольствие», скорее: «это хорошо», «значительно», «самобытно», «совершенно», возможно — «прекрасно, истинно, справедливо».

Пусть еще или уже нет аплодисментов — деяние говорит само за себя; «труд хвалит мастера», будь мастер даже еще более скромным или вовсе смиренным. Объективная похвала исходит как бы из самого деяния, а говорящий похвалу выступает лишь как представитель деяния.

Разумеется, он должен обладать известной компетентностью и силой суждения в соответствующей области. Хвалящий сапожник, который мерит всех на свой аршин, должен быть готов к расспросам о причинах его похвалы. Тогда его разоблачат по его запутанным, бессвязным, пустым речам. Впрочем, те, кого хвалят, очень редко склонны детально расспрашивать выражающего хвалу; но завистливые соперники — эти часто смотрят в корень...

Искусство объективной похвалы требует еще и многого другого. Так, похвала должна — внутренне и внешне — быть выше скрытого и утонченного эгоизма, умения делать комплименты. Произносящий хвалу должен держаться, подобно приверженцу идеи — искренне, убежденно, от всего сердца; однако быть свободным от всякой аффектации, от всякой позы, без всяких ужимок и речей. У него должна быть одна цель — истина; ему надо не милости хвалимого и не славы «первооткрывателя», который старается вытащить на свет новое дарование. Объективность скромна; объективная похвала дышит целомудрием. Она коротка; она знает, что ее сила рождается из духовной глубины и не требует жеманства. Порою все зависит не от того, *что*, собственно, сказано, а от того, *как* это сказано. Часто довольно одного взгляда; возможно, слеза на глазах скажет больше любого краснобайства...

Однако все происходит совершенно по-особому, когда имеешь дело с великим человеком. Тогда надо всегда считаться с тем, что он живет в объективности и обладает чувствительностью, которая часто переходит в ясновидение; что он тонко чувствует всякую разумную лесть, неискренность, искусственность, аффектацию и — презирает их; что ему немного нужно, чтобы многое понять; что он точно знает, как следует толковать его деяние или его труд; что он, наконец, знает себе цену.

И если все это принять во внимание и взвесить, то понимаешь, что объективная похвала скрывает в себе претензию — «я также один из объективных и вместе с вами могу сказать решающее слово», и духовная зрелость и искусство предполагают творческий такт, тонкое чувство меры и формы, объективно-критический дар.

Возможно, поэтому так редко слышишь объективную похвалу. Кто не способен на это, тот застревает в необъективных любезностях; а кто способен, тот часто воздерживается — из скромности. Ибо атмосфера великой вещи делает человека скромным.

ИСКУССТВО СПОРА

Если два поезда идут по одним и тем же рельсам и сталкиваются — это несчастье; порою катастрофа. В споре — наоборот: он удастся только тогда, когда противники движутся по тем же «рельсам» и по-настоящему «сталкиваются». Один должен утверждать именно то, что другой отрицает; иначе возникает масса недоразумений, нечто вроде мальчишеской игры, когда один все время перепрыгивает через другого. Тихо улыбается этому Богиня мудрости; а маленькие кобольды³⁰ комического, которые постоянно окружают нас, хохочут над нами до смерти...

В этом их упрекать не надо. Ибо неосмотрительно поступает тот, кто, начиная спор, делает вид, что намеревается добиться истины и объективно спорить за нее с другим, а вместо этого самодовольно заводит медвежий танец с рычанием или впадает в ярость. Тогда он проигрывает сражение уже только потому, что не постигает сущности борьбы и принципиально грешит против искусства спора.

Прекрасно присутствовать при удачном и солидном споре. Почему? Потому что в таком споре объективная гармония господствует над чисто личной дисгармонией и духовное единство празднует победу над человеческой разобщенностью. Как бы велики ни были разногласия и напряженность противоречий — стремление к истине и искусство объективности преодолевают все и объединяют противников, которые оказываются подлинными сыновьями истины и настоящими братьями объективности!

Кто хочет такого рыцарского и творческого спора, тот прежде всего должен усвоить следующее: не воспринимать столь серьезно свое дорогое «я» и по возможности оставлять его дома. По-человечески, слишком по-человечески хотеть быть всезнайкой, всегда быть правым и отдавать должное тому, что с этим связано: тщеславию, честолюбию, стремлению к власти и, наконец, страху перед возможностью опозориться. Кто хочет настоящего спора, должен пробиться через эти дебри.

Настоящий спор требует спокойствия, почти олимпийского спокойствия. Это спокойствие достигается тем, что целиком отдаешься делу и забываешь себя в нем; а на это способен лишь тот, кто обладает настоящим стремлением к истине. Тогда приобретаешь остроту взгляда на существо дела, чуткое ухо, чтобы слышать противника, и рыцарскую форму выражения. Противник не будет ни презираем, ни ненавидим; его откровенность не подвергается сомнению; его умственные способности не будут ничтоже сумняшеся приравнены к нулю. Напротив: с ним будут обращаться как с другом, с которым исследуешь предмет спора. Оба противника тогда подобны богам, обсуждающим проблему, и кто уступает по существу, того чествуют как героя спора.

Кобольды комического тогда уже не осмелятся показаться. Ибо там, где совещаются боги, мир внемлет им в священной тишине.

ТАКТ

Жизнь — искусство; а всякое искусство призвано создавать гармонию. Существует и социальная гармония; искусство подготовить ее, создать и сохранить называется «тактом».

Но что такое такт, не знает никто. Ибо тот, кто им обладает, пользуется им почти бессознательно, интуитивно, творчески; а у кого его нет, тот живет, как будто «этого» и вовсе нет. Бестактный от природы не поймет и проблемы такта.

Человек сразу становится бестактным, если он внимателен лишь к себе и оставляет без внимания чужую душу. Так, однако, поступают многие — отчасти от душевной грубости, которая вовсе не воспринимает сложное и тонкое, отчасти от высокомерия и самодовольства или от жесткой негибкости характера, делающей невозможным какое бы то ни было вчувствование в чужую жизнь. Бестактный в известной степени подобен близорукому или слепому, который не подозревает, однако, о слабости своего зрения; каждый его шаг неверен, он бредет на ощупь, часто неуклюже, он губит все, перекрывает себе все пути, окружает себя изгородью постоянно возникающих невозможностей и, конечно, не подозревает о том, что он неотесанный парень. Он относится к другим так, будто все они подобны друг другу или все они — «низкие заурядные люди»; то есть он не видит присущее им своеобразие и обходится с ними грубо. Возникающую при этом неудачу он, «разумеется», инкриминирует тому самому «обычному человеку-каналье». Однако неудача следует по пятам бестактного — в дружбе, в работе; в личной жизни, общественных делах.

Изначально ясно, что нельзя доподлинно изучить человека своего окружения. Часто довольно подчас быстрого взгляда, мгновенной интуиции. Однако же требуется постепенное вчувствование в жизненный ритм и содержание других, то есть тонкость восприятия, повышенная чувствительность и дар наблюдательности восприимчивой души. Это вчувствование позволяет человеку верно предвидеть душевную и реальную реакцию своего партнера (возможно, своего врага) или с уверенностью ожидать ее. Для этого часть души обособляется, чтобы жить как бы противником или как бы «в противнике», чтобы освещать и претворять в дело разрешаемую задачу не только с своей собственной, но и с чужой точки зрения.

Такт является, таким образом, ценным искусством для правильного понимания других — и друга, и врага; избегать ненужных уколов; не разжигать вредных страстей, а успокаивать их; сдерживать центробежные силы. Такт подобен дорожному сторожу: он «прокладывает путь», «расчищает», «перекрывает». Он умеет воздать должное каждому, так что все чувствуют себя «хорошо понятыми» и окруженными вниманием. Он владеет любой ситуацией, в том числе неприятной и запутанной. Он вносит посредничество, меру и вкус. Он создает «взаимное понимание» и творит мир; «примирение» — его пароль; «взаимость» — его лозунг. Он «дипломатичен» в самом благородном смысле слова. Он всегда заботится о том, чтобы люди не только «спорили» между собой, но и «находили» друг друга; чтобы созидательное общество и органичное сотрудничество стало возможным на земле.

Тут Платон, возможно, спросил бы: не заложено ли в такте нечто «божественное»? А Конфуций утверждал бы, что такт относится к «тао»³¹, то есть к созидательному «пути середины», к вечному ритму мира, из которого и возникает гармоническое равновесие.

ЮМОР

Есть люди, которые владеют прекрасным искусством: они умеют в любой ситуации — сколь бы трудной, запутанной или безнадежной она ни была — отыскать присущий ей издревле комизм, задержаться на нем и наслаждаться им. Мы же часто вовсе не замечаем, что многое вокруг нас как бы несет в себе скрытый «источник смеха», как будто оно лишь ждет мастера, который вот-вот появится и освободит для действительной жизни это «спеленутое» ядро смеха. Сколько истинного утешения и душевной отрады он может подарить нам!

Однако, когда приходит мастер юмора и демонстрирует нам комизм, у нас нет ощущения, что он произвольно выдумал его и опозитизировал ситуацию, а скорее создается впечатление, что он лишь извлек его: он уже был здесь сам по себе, возможно, только в дремотном состоянии, а сейчас его разбудили, чтобы он играл и цвел. Подобно тому, как умелый ювелир помещает драгоценный камень на свет, чтобы он заиграл своими скрытыми внутренними лучами, чтобы он цвел, играл и дарил нам утешение.

Если внутренний комизм проявляется неожиданно, смех просто одолевает нас. Было бы, однако, благоразумно не поддаваться смеху, удержаться. Тогда юмор действует безотказно и внутренне расцветает, как «букет» старого благородного вина, неопишуемый аромат которого оставляет послевкусием изысканное, мечтательное чувство радости. Сдерживаемый смех как бы одухотворяется: его душевный заряд существенно перерабатывается и поглощается, «комическим» жизненным содержанием.

Тогда становится ясным, что комическое значительно сложнее, чем может показаться с первого взгляда, и что собственно «смешное» есть лишь поверхность, лишь внешняя оболочка явления. Теперь смотришь глубже и впервые замечаешь серьезность комизма, которая доставляет тебе наслаждение. Ах, эта изысканная серьезность комического, столь богатая мыслями и столь остроумно освещенная! Играющее мышление! Мыслящая радость! Смех превращается в улыбку, морщится и умно светится лучистое око.

Еще один острый взгляд, и мы открываем самый глубокий слой — затаенную боль. Ибо так оно в действительности: что для смеющегося — шутка, для осмеянного — боль; на поверхности — веселье, а глубина жизни движется, страдая; и боль есть изначальный корень комического. Мы прибыли в место, где прекращаются веселье и игра и где они могут начаться снова; где даже улыбка исчезает и где она тем не менее имеет самые глубочайшие корни; где слеза сострадания может появиться на мечтательном оке зрителя.

Собственно, здесь и рождается юмор. Ибо юмор возникает из меланхолии духа, который преобразует свою боль в улыбку и тем самым преодолевает ее. В такие моменты он пытается утаить глубину страдания и выступает как явный комизм. Он сделал большую работу, сам не смеется — пусть «смеются» другие, которые ничего не знают о тайне.

Итак, искусство юмора в том, чтобы заставить себя улыбаться в своих страданиях. О, эта драгоценная улыбка отступающей боли, этот первый шаг к своей победе над тварью!

Существует ли душевная боль, которая может противостоять тебе? Улыбка вырывает меня из моих страданий. Я рассматриваю их уже «снаружи». Я уже схватил,

постиг и превратил в искрящуюся шутку исходный комизм поющего, запутанного создателя, которое способно думать лишь о себе самом. Я завоевал свободу. Я возвысился над своей «креатурщиной»...

Я наслаждаюсь утешением юмора. А глубину моей боли другим знать не надо.

ПРОТИВНИК

Если я слышу, как кто-то говорит, что он хотел бы «избавиться» от своего «противника», я далеко не уверен, что это действительно так... «Едва ли!» — шепчу я тайком, но сочувственно киваю головой — из любезности. Легко сказать: избавиться — от противника, т. е. от своего «собственного» противника... Ведь он нужен мне! Каждому из нас, для себя — по крайней мере один. Без него я в жизни не справлюсь. Он оказывает мне огромные услуги! Какие же?..

С детства ношу я в сердце негативные аффекты — сердечные раны, которые возникали из неотмщенных обид, из несправедливых наказаний, из обременительных запретов и унижений и остались втуне неудовлетворенными. Что с ними делать? Они связаны с противником; ему приписываются; в нем объективируются. Он становится как бы живым гардеробом для моей ненависти; кладовой для моего осуждения; манекеном для моей враждебности. Нередко невинный, без малейших на то оснований, терпит он на протяжении своей жизни мою антипатию; почему — не знает никто, ни он, ни я сам. Для него это чаще всего бремя жизни; для меня — облегчение. Бедный «противник»! Добрый «противник»!..

Далее он нужен мне для того, чтобы «объяснить» многие мои неудачи и ошибки. Ведь я всегда был прав! Ведь я постоянно на высоте! Когда мне чего-то недостает, когда наступает крах, в этом виноват он, он с его недоброжелательностью, интригами, ядовитой завистью. Черт! Козел отпущения! Так, он нужен мне во-вторых: он переносит вину и тяготы; у меня же есть утешение и успокоение.

В-третьих, он нужен мне как трамплин в состязаниях. Без него я, возможно, заснул бы; лежал бы я, вялый и рыхлый, профессиональный лентяй, шапка на ушах.

Одна мысль о нем будит меня; назову его по имени — это для меня как звук трубы, «ржание и топот коня». Что? Он — впереди? Я — позади? Он — вверху, я — внизу? Никогда! Вперед!! Спасибо, спасибо, мой верный противник...

Так, я имею в нем, в-четвертых, живое мерило своих задач и достижений. Из-за него — вверх, во вдохновенный полет! Я уже так далеко? Что-то достигнуто? У меня лучше, чем у него? Я уже усвоил его умение? А еще есть у него какая-либо способность, которой нет у меня? Тогда я поосновательнее посмотрю за ним, возможно, изучу кое-что, возможно, воспитаюсь на его примере. Только пусть он остается, мой противник! Только пусть служит мне противником!..

Появляется искушение, и я думаю о нем: он-то обрадуется случившемуся со мной! Если я колеблюсь, тут же вспоминаю о нем: моя слабость равна его победе. Так его порок поддерживает мою добродетель. Так он служит мне как бы перилами, если закружится голова. Отрицание, которое я выкрикиваю ему, помогает мне в утверждении. Отрицая, я утверждаюсь. Проклятие становится мне отрезвлением и укреплением. В-пятых, мавр делает свое дело.

Наконец, он служит мне зеркалом. Своеобразным зеркалом: мои недостатки преувеличены, мои хорошие стороны сильно преуменьшены. Безобразно выгляжу я в этом зеркале враждебного мнения. Путем созерцания моего отраженного в нем искаженного образа я приобретаю силу характера и самопознание. О, самопреодоление! Мужество и свобода моего взгляда!..

И я должен «избавиться» от тебя, мой дорогой противник? Я должен лишиться тебя? Никогда. А если кто-то другой говорит об этом, я участливо киваю головой — из любезности.